

Для приращения рудных дел...

Выдающийся советский поэт Александр Твардовский назвал Урал «опорным краем державы». Таким Урал сложился сразу с начала XVIII века и, спустя более чем столетие, практически оставался и остается поныне важнейшим горнопромышленным районом страны. Столь быстрое его развитие было обусловлено двумя причинами. Конец XVII-начало XVIII века являются поворотными в истории России. Это время крупных политических, экономических и иных преобразований, осуществлявшихся Петром Великим. Время, когда Россия сбрасывала с себя «сонную боярскую одурь», активно выходила на международную арену, становилась крупной военно-политической державой. Уникальность Урала с его бескрайними лесными массивами, разветвленной речной сетью, а самое главное-огромными минерально-сырьевыми богатствами-являлась своеобразным экономическим обеспечением петровских реформ.

Всемирная молва о сказочных богатствах горного края насчитывает не одно тысячелетие. Достаточно сказать, что о Рифейских горах упоминает в своей «Истории» Геродот. Многих волновал и манил к себе Каменный пояс, щедро одаривая предприимчивого и удачливого рудознатца. Торили дорогу в Полночную Югру караваны восточных купцов, мечтали попасть в далекую Биармию викинги, по рекам и таежным тропам добирались сюда разудалые ватаги новгородских ушкуйников. За долгую историю промышленного освоения Урала в недрах его гор было открыто более 12 тысяч месторождений различных полезных ископаемых. Трудно указать на Земле другую геологическую провинцию, равную по продуктивности Уральским горам. Здесь было найдено первое в нашей стране золото-сначала коренное (1745 г.), а затем россыпное (1814 г.), первые алмазы (1829 г.), асбест (1885 г.) и многое другое. Уже к концу XVIII века уральская горнозаводская промышленность объединила более 140 металлургических заводов, на которых производилось около 170 тыс. тонн чугуна и железа. На протяжении всего XVIII века Россия выплавляла больше всех меди, около 27 процентов ее мирового производства давали уральские частные и казенные заводы.

Чтобы привести в движение всю эту «махину» (искать полезные ископаемые, рационально их разрабатывать, проектировать и строить металлургические заводы, гидротехнические сооружения и разнообразные машины), нужны были не просто сметливые люди. В них недостатка никогда не было. «Россия,-писал Павел Аносов,-богатая железными рудами различного свойства, не бедна и искусными руками». Нужны были грамотные, квалифицированные специалисты. «Таких подготовленных кадров в России не было»,- отмечал видный историк профессионального образования Н. В. Нечаев.

Частично их стали готовить на месте. Инициатива создания школ на Урале принадлежала выдающемуся государственному деятелю, ученому и инженеру, «птенцу гнезда Петрова»-Василию Никитичу Татищеву.

Первый период деятельности В. Н. Татищева на Урале оказался коротким-с 1720 по 1723 год. За это время удалось открыть школы в Кунгуре, на Алапаевском и Уктусском заводах. Правда, просуществовали они недолго. В 1724 году в Екатеринбурге была учреждена первая в России горная школа повышенного типа, в которой обучалось около 100 учеников. Позже, в 1852 году, она была реорганизована в Уральское горное училище (ныне это Горно-металлургический техникум имени И. И. Ползунова), выпускавшее помощников инженеров.

В октябре 1734 года В. Н. Татищев вновь приступил к исполнению обязанностей главного администратора уральских горных заводов и существенно улучшил работу горнозаводских школ. Через год, только в Екатеринбурге, их стало пять: словесная, арифметическая, латинская, немецкая и знаменованная (школа черчения и рисования) с 200 учениками. К концу 1739 года на Урале открыли 21 школу, которые посещало более 650 учеников.Потомки по достоинству оценили результаты просветительской деятельности В. Н. Татищева. Русский экономист, академик В. П. Безобразов писал, что «без всяких даже великих его услуг Россия могла бы прославить его имя в нашей гражданской истории».

Но горнозаводские школы были только первой ступенью лестницы, ведущей к вершинам знаний. Более основательное образование на Урале получить было невозможно. Для этого необходимо было ехать в Петербург в Академию наук или за границу. Так, в начале января 1735 года, в столицу «по е. и. в. указу и по определению нашему (т. е. Татищева В. Н.) для обучения.языков немецкого, латинского, тако ж математики, физики, механики, архитектуры, знаменования и прочего, что к пользе заводской знать нужно» в Академию наук было впервые послано четверо лучших уральских учеников.

История сохранила их имена: Александр Степанов, Федор Сикорский, Григорий Клеопин и Богдан Арефьев. В начале 1739 года они были отозваны на Урал. Трое стали переводчиками у саксонских горных специалистов. Клеопин, как самый способный, получил должность шихтмейстера в Красноярске, в 1750 году он уже был берггешвореном-горным инженером в

канцелярии Главного правления уральских и казанских заводов. Ф. Сикорский и А. Степанов работали шихтмейстерами в Екатеринбургe.

Что же касается горных инженеров, то их «рудосыскному делу» обучали за границей, главным образом в Швеции. Инициатором и здесь был В. Н. Татищев. Ревностно заботясь о благе державы, он делал все, чтобы будущие русские инженеры «основательным учением достойную мзду государству воздать могли». Но обучение за границей обходилось дорого и не удовлетворяло потребности промышленности ни в количественном, ни в качественном отношении - иностранные специалисты неохотно передавали знания русской молодежи. Эти причины, а также большие масштабы развития горнозаводской промышленности ставили вопрос о создании в России своего высшего учебного заведения горного профиля. Во времена правления Екатерины II вынашивалась идея об открытии на Урале-в Екатеринбурге, «как в главном городе главной горной области» страны, горного вуза. Но идея так и осталась идеей. Горное училище, приравненное к академии, было открыто в 1773 г. не в Екатеринбурге, а в Санкт-Петербурге, в 1804 г. его преобразовали в Горный кадетский корпус; в 1833-в Институт корпуса горных инженеров, а с 1866 г. и по настоящее время- это Горный институт.

Долгие годы он был единственным горнотехническим вузом, готовившим инженеров для уральских заводов и промыслов. Но влияние его из-за удаленности и «дикости» края на развитие горнозаводской промышленности было слабым. Этот недостаток выявился почти сразу же. Историк М. М. Щербатов, посетивший училище в 1778 году, отметил: "... И потому неуповательно, чтоб сие училище могло толикую пользу произвести, какую бы можно было от него ожидать, если бы оно было учреждено в Екатеринбурге, где бы теория немедленно с практикой соединилась". Ровно через сто лет, вторя князю Щербатову, профессор Горного института И. А. Тиме также с сожалением писал в статье «О причинах технической отсталости, уральских заводов» («Горный журнал»), что Петербургский горный институт совершенно удален от горных центров, в особенности от главного из них-Уральского, чем и объясняется слабое его воздействие на промышленность. История института была бы более блестящей, если бы он был основан в Екатеринбурге-городе, который Петр I указал своим гением как центр горной промышленности империи. И в качестве достойного примера И. А. Тиме приводит Фрайбергскую горную академию, всемирная блистательная слава которой обязана тому, что она была открыта в 1765 году в центре горнорудного края.

Со временем горнопромышленные центры стали складываться и в других районах страны. Соответственно изменились и задачи Горного института. Преподавание в нем начало носить все более общий, теоретический характер, не связанный с проблемами Урала или какого-то другого района. «Между тем,-как отмечалось в докладе комиссии Уральского общества любителей естествознания в 1909 году,-в силу особого характера прикладных наук, преподавание которых может быть целесообразно только тогда, когда оно не ограничивается лишь сообщением одних научных отвлеченных знаний, и приемы их приложения к делу". Это привело к тому, что - на местах начали возникать свои высшие учебные заведения: на западе был создан Варшавский политехникум, на юге появилось два горнозаводских училища — в Екатеринославе и Новочеркасске, в Томске для Сибири был открыт Технологический институт с горным факультетом. Таким образом, потребность в высшем техническом учебном заведении на Урале стала еще более очевидной, а к концу XIX века просто необходимой.

После отмены крепостного права, из-за резкого сокращения даровой рабочей силы, горнозаводская промышленность начала приходить в упадок. Урал терял значение главного металлургического района страны, уступая его Югу России, который развивался более быстрыми темпами. Выход из положения виделся в повышении технического уровня заводов, рудников, шахт. Но для этого нужны были квалифицированные специалисты, подготовку которых предполагалось начать на Урале, перенеся сюда Петербургский Горный институт. Но из этой затеи ничего не получилось. Никто из преподавателей института не захотел покидать столицу. И вопрос был снят с повестки дня.

В 1899 году для оценки экономического состояния уральской промышленности и определения путей ее оздоровления и развития министерством финансов была организована специальная экспедиция под руководством Д. И. Менделеева. Результаты экспертизы были изложены в отчете «Уральская железная промышленность в 1899 году». В качестве главных причин кризисного положения уральской промышленности Дмитрий Иванович отмечал убогость технического состояния многих предприятий, не заинтересованность владельцев в их развитии, сохранение остатков крепостнических отношений между хозяевами заводов и рабочими. Крупнейший знаток уральской металлургии В. Е. Грум-Гржимайло так характеризовал владельцев предприятий: «Вот зло старого Урала, вот причина отсталости его заводов: глупый, ничтожный человек, съедающий результаты работы тысяч людей...».

Дав глубокий анализ состоянию уральской горнозаводской промышленности, Д. И. Менделеев предложил и обоснованную программу мероприятий по ее оздоровлению. Как важный пункт в программе фигурировало требование о развитии на Урале высшего технического образования. «Уральским жителям так привычна металлургическая деятельность,-писал он,-что можно

надеяться на скорые практические результаты (будущего вуза-В. Ф.), если первые профессора будут настоящими учеными-металлургами».

Пермь или Екатеринбург?

Дмитрий Иванович был не первым и не единственным, кто в конце XIX века выступал с проектом уральского вуза. Еще раньше, 27 сентября 1896 года (все даты даются по старому стилю), Екатеринбургская городская дума по докладу местной управы ходатайствовала перед правительством об открытии в Екатеринбурге Высшего горного училища. Это предложение было поддержано Екатеринбургской земской управой и-состоявшим под августейшим покровительством Его императорского величества Великого князя Михаила Николаевича-Уральским обществом любителей естествознания (УОЛЕ). Члены УОЛЕ рассматривали будущий вуз не только как научно-технический центр, но наделяли его культурной и просветительской миссией. В докладе этого общества «К вопросу об учреждении на Урале высшего учебного заведения» отмечалось: «Крупной горной промышленности несомненно нужны образованные техники, но в интересах науки и общественной пользы не менее нужны и вообще образованные люди с широкой теоретической подготовкой. Кроме улучшения горного дела необходимо и улучшение народного хозяйства, и народной промышленности, и повышение общей культуры, и распространение знаний в массах населения, и всестороннее изучение края как в естественном, историческом, так и в других отношениях».

Соответствующие бумаги были направлены в министерство финансов, министерство земледелия и государственных имуществ и бывшему товарищу министра народного просвещения Н. М. Аничкову. Ответ на ходатайство екатеринбуржцев был отрицательным. Министерство земледелия и государственных имуществ посчитало проект несвоевременным. Но, несмотря на то, что «первый блин вышел комом», идея уральцев оказалась очень актуальной и потому не умерла, а, наоборот, получила широкую поддержку.

Губернское земское собрание 19 марта 1898 г. на XXX чрезвычайной сессии, согласившись с выводами своей комиссии о том, что причиной слабости уральской промышленности является недостаток горных инженеров и вообще образованных людей, поддержало инициативу Екатеринбургской думы. Более того, вопрос был рассмотрен шире: постановили ходатайствовать об учреждении на Урале вуза типа политехникума, считая его открытие общегосударственной, а не частной потребностью. Для этого земствами (губернским и уездным) ассигновывалось 120 тыс. руб. из капитала Александра III. Этот капитал был образован в 1895-1898 гг. отчислением по сметам в «память в бозе почившего императора Александра III» на общедоступные учреждения для населения Пермской губернии. Правда, в конце 1903 года эти деньги из-за того, что ходатайство об открытии политехникума в очередной раз не было удовлетворено, решили использовать на устройство народных библиотек.

Через месяц решение сессии было доложено Екатеринбургской городской думе, которая постановила поддержать решение губернского земства об учреждении вуза типа политехникума, но не в Перми, а в Екатеринбурге и отведении под будущее здание института безвозмездно участка из свободных городских земель.

Приведенное содержание постановления думы требует небольшого комментария.

Екатеринбуржцы, выступив с идеей создания вуза, обосновывали его открытие именно в Екатеринбурге. Однако с 1898 г. пермяки прочно удерживали инициативу в этом вопросе и настаивали, чтобы первый уральский вуз был в их губернском городе. Возникло соперничество двух городов. Подогреваемое эмоциями обывателей, особенно пермских, оно внесло много драматичного в историю создания Горного института. В 1910 г., например, в Перми была выпущена брошюра «Борьба за Уральский политехникум», в которой рассерженные пермяки писали, что дело с открытием института в Екатеринбурге «доведено до виртуозной американской рекламы в расчете на простоту и доверчивость публики».

Вопрос о месте открытия института был вопросом престижа. Дело в том, что в России высшие учебные заведения были сосредоточены в основном в столичных городах — Петербурге, Москве, Киеве. Не многие губернские города удостоивались такой чести, а уж об уездных и говорить было нечего. Институт или университет придавали особый статус и вес городу, что было небезразлично ни властям, ни гражданам.

Право Екатеринбурга, признанного центра горнозаводского дела страны, казалось бесспорным. К Екатеринбургу в начале века тяготело 2396 крупных, средних и мелких предприятий общей стоимостью 8396715 руб., к Перми-только 132 и оценивались они в 3073265 руб. На восточном склоне Урала добывалось более 62 млн. пудов железной руды, выплавлялось более 17 млн. пудов чугуна и около 11 млн. пудов железа, на западном же-около 9 млн. пудов железной руды, 5 млн. пудов чугуна и столько же железа. В районах, примыкающих к Екатеринбургу, производилось в 4 раза больше стали, проката, изделий из чугуна и железа, чем у соседей. В Екатеринбурге находилось Главное управление Уральских горных заводов, имелись соответствующие лаборатории горного профиля. Здесь действовало Уральское общество любителей естествознания, располагавшее великолепной библиотекой и музеем. Наконец, Екатеринбург был хранителем

традиций горных инженеров, многие имена которых золотыми буквами вписаны в историю промышленного освоения Урала. Ведь недаром первое научно-техническое горное общество России было открыто в Екатеринбурге 7 мая 1825 года.

Но несмотря на очевидные преимущества, шансы на успех у екатеринбуржцев были призрачными. Пермский губернатор, поддерживаемый многими членами губернского земского собрания, решительно был 'за открытие политехникума в Перми. И чтобы повысить свои Шансы, пермяки прибегли даже к лести, поторопившись объявить, что будущий вуз будет носить имя Александра II.

Забегая вперед, отметим: окончательно спор между Пермью и Екатеринбургом разрешился только в 1911 году. Более десяти лет каждый город отстаивал свою точку зрения, развивая аргументацию и ища сторонников. К счастью, «междоусобица» не привела к конфронтации и к гибели самой этой идеи. Слишком уж значительной и высокой была цель, затрагивавшая интересы Урала.

В 1899 г. в Екатеринбурге состоялся VII съезд уральских горнопромышленников. Более чем за месяц до начала его работы в Совет съезда поступило прошение Екатеринбургского городского головы Г. Г. Казанцева «о материальном участии съезда в учреждении и содержании политехникума». Обращение было по адресу, поскольку, как писал городской голова, «учреждение политехникума принесет существенную пользу во всех родах промышленности края и прилегающих к нему местностей, особенно же горнопромышленной и золотопромышленной».

Буквально накануне съезда, 13 января, Г. Г. Казанцев еще раз напомнил о просьбе, теперь уже в письме на имя председательствующего П. П. Боклевского, в котором, в частности, сообщал о пожертвованиях, подчеркивая, что идея уральского вуза «вызывает горячее сочувствие» у жителей Екатеринбурга. Сам Казанцев подписался на тысячу рублей.

Реакция съезда была дипломатичной. Вопрос разделили на две части: уполномоченным в Петербурге поручили выяснить возможность материального содействия у владельцев заводов, а Совету съезда дали задание разработать проект о типе и порядке организации вуза.

Отметим выступление управляющего Уральским горным училищем Н. А. Китаева, который высказал мнение о том, что для создания на Урале вполне законченной системы специального горного образования желательно установить тесную связь между проектируемым институтом и существующим горным училищем.

Через год, к началу следующего съезда «уполномоченные, обсудив предложенный вопрос и соображаясь с взглядами заводладельцев, не признали возможным оказать материальное содействие учреждению проектируемого училища, о чем и известили... Екатеринбургское городское управление...».

Чем же мотивировался отказ: во-первых, сомнением, что все выпускники будущего вуза найдут работу на Урале. Далее, считали, что на Урале существует избыток инженеров и поэтому надо развивать не высшее, а среднее и низшее горно-техническое образование и, последнее, полагали, что институт будет трудно укомплектовать хорошими профессорами.

Г. Г. Казанцев, получив такой ответ, рук не опустил, а направил в Совет съезда новое прошение, прибегнув в нем к мерам психологического давления. «Нельзя думать,- писал он,- чтобы гг. уральские горнопромышленники, более двухсот лет работающие на пользу края и его населения, отнеслись бы несочувственно к важнейшему для развития уральской промышленности и умножению достатка населения вопросу об учреждении... политехникума..., даже купцы и промышленники оказали существенную поддержку этому делу..., наконец, из газетных сообщений известно, что г. Министр Земледелия и Государственных Имуществ в докладе Государю Императору высказался о необходимости учреждения высшего технического учебного заведения на Урале и при этом обратил внимание Его Императорского Величества на г. Екатеринбург, как на более соответствующий сему пункт». И съезд уступил, посвятив заседание 13 января обсуждению вопроса о политехникуме.

Сомневающиеся в целесообразности вуза почти ничего нового в своей аргументации не привели. Но в выступлении их лидера П. П. Боклевского были интересные статистические данные, любопытные в историческом плане: за десять лет с 1890 по 1900 год число горных инженеров в России, состоявших на государственной службе, увеличилось с 575 до 774, а на частной - с 261 до 386. «Каждый оканчивающий курс в горном институте (Петербургском-В. Ф.) обходился государству в 7377 руб., а с прибавлением по 500 руб. в течение пяти лет на содержание студента - около 10000 руб. По штатам Екатеринбургского училища, каждый окончивший курс в училище обойдется в 4000 руб., а с содержанием - до 5000 руб. Наконец, окончивший курс Уральского горного училища обходится... с содержанием около 1500 руб.».

Наиболее полно точку зрения сторонников проекта, а таких на съезде оказалось большинство, выразил лесовладелец из Красноуфимска Евстафий Фомич Бобянский. По его мнению, «каждого нового высшего учебного заведения следует желать, потому что огромный процент желающих получить высшее специальное образование остается за дверями, например, горного института. И если открывать новый институт, то именно на Урале, который расположен на границе Сибири. Институт мог бы снабжать инженерами горную промышленность Урала и Сибири, размеры будущего развития которой трудно даже предвидеть. Получившие специальное образование в новом заведении инженеры оказали бы огромную услугу развитию промышленности. У нас есть

капиталы, которые не находят применения только по отсутствию знания у людей, которым можно было бы их доверить. Поэтому следует высказаться в пользу учреждения на Урале высшего горного училища».

Участники съезда так и поступили, а кроме этого, постановили открыть подписку по сбору необходимых денежных средств.

К проекту уральцев стали более терпимо относиться и в правительственных кругах. В конце XIX-начале XX века в годовых отчетах Министерства земледелия и государственных имуществ появились добрые пожелания об открытии вуза на Урале. Но (таких «но» случится еще немало) вскоре после назначения на пост директора горного департамента тайного советника Н. А. Иоссы возникло очередное препятствие. Иосса считал, что необходимо сначала обеспечить горную промышленность средними техниками, и только потом уже «озаботиться расширением средств высшего образования». Эту точку разделяли некоторые горные деятели и в Петербурге, и на Урале. Управляющий Верх-Исетским заводом, выступая на одном из совещаний в Перми, говорил, что «выгоднее открывать не вуз, а низшие и средние технические училища. Идея вуза хороша, но местными силами учреждение вуза не доступно, казенные же деньги, собранные главным образом с народа, утопающего в грязи и темноте невежества, прежде всего должны быть расходуемы на подъем нравственного и умственного развития наиболее в том нуждающейся части населения». Высказывались опасения, что будущий вуз будет элитарным и в нем будут учиться богатые слои населения. Раздавались и совсем неразумные возражения, авторы которых утверждали, что на Урале переизбыток инженеров, а его рудничное и металлургическое дело убыточно. Оно и не могло быть неубыточным, поскольку занимались им сами рабочие, а производство было примитивным до невежества. Транспортировка грузов, например, производилась гужем и за перевозку на расстояние в 80 верст плата составляла по 40 копеек за пуд.

Трудности и всевозможные препятствия не останавливали работу над проектом политехникума: этот вопрос обсуждался губернским земским собранием на XXXIV (1903 г.), XXXVI (1905 г.), XXXVII (1906 г.), XXXVIII и XXXIX (1907 г.) сессиях, рассматривался школьной комиссией и на специальном совещании под председательством попечителя Оренбургского учебного округа в 1906 г. На этом совещании прозвучала мысль о том, что благодаря институту уральская молодежь, особенно оканчивающая реальные училища, сможет, наконец, завершать свое образование дома, не дожидаясь в течение 2-3 лет такой возможности для поступления в один из отечественных вузов и не уезжая с этой целью за границу.

С течением времени содержание всевозможных совещаний становилось все более конкретным. На них стали обсуждать источники финансирования проекта, оценивать затраты на строительство здания института, его структуру и многое другое. Так, в 1906 году губернская управа высказалась за внесение ежегодно, начиная с 1907 года, в смету губернского земства по 25 тыс. руб. для образования фонда на постройку здания и оборудования политехникума. При этом исходили из минимально возможных затрат на постройку в 400 тыс. руб. и 100 тыс. на содержание персонала,

Деятельность екатеринбуржцев стала особенно активной после создания в октябре 1909 года при городской думе специальной комиссии по обсуждению вопроса об открытии на Урале вуза. Ее председателем стал городской голова Александр Евлампиевич Обухов, а членами-авторитетные в городе люди-Догадов М. И., Круковский И. Ф., Симанов А. М., Кронеберг П. А., Иванов П. А., Злоказов В. П., Магницкий Н. Ф., Степанов И. С. и Григорьев А. А.

Предвидя большие трудности в определении Екатеринбурга в качестве места расположения будущего института, местная управа обратилась осенью того же года с письмами о поддержке в полтора десятка городских управ Пермской губернии. Поддержка (она, кстати, была оказана) нужна была не только в моральном, но и материальном отношении. В отличие от Перми, располагавшей значительными денежными средствами, Екатеринбург в начале века находился в стесненном финансовом положении.

В начале мая 1910 года делегация екатеринбургского городского общественного управления (Марков Г. А., Кандыкин Ф. И., Михеев Е. С.) ездила в Пермь и принимала участие в разработке очередного ходатайства от губернского земства об открытии политехникума. Екатеринбургцы вели себя на совещании достаточно самостоятельно и независимо, а в январе 1911 года при обсуждении проекта политехникума подвергли резкой и справедливой критике вариант Пермской городской думы.

В Екатеринбурге не испытывали лакейского подобоострастия и перед более высокими инстанциями, с достоинством отстаивали свою точку зрения и принимали решения без оглядки на чье-либо мнение. Вот пример. В 1914 г. в связи с отъездом с Урала губернатора И. Ф. Кош-ко Екатеринбургская городская дума постановила учредить за счет города стипендию его имени в будущем горном институте. Иван Францевич заслужил этой чести, много сделав для открытия вуза. Но покидал он Урал не по своей воле. Кошко отказался принять в Перми Г. Распутина, вызвал этим поступком гнев императора, немилость и отставку. После революции семья Кошко эмигрировала, устроилась в Париже, а в конце 1990 г. гостем Свердловска был внук пермского губернатора, журналист агентства Франс Пресс-Дмитрас де Кошко.

В сентябре 1910 года Екатеринбург посетил тогдашний Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин, ставший впоследствии почетным гражданином города. Обсуждалось множество вопросов, в т. ч. и о судьбе политехникума. Вероятно, Столыпин не дал окончательного

ответа, поэтому в конце октября Обухов направил ему вежливо-настойчивый рапорт: «В дополнение к ходатайству моему, представленному В. П. лично в г. Екатеринбурге 6 сентября сего года, приемлю смелость представить докладную записку и вновь ходатайствовать перед Вашим превосходительством об учреждении в Екатеринбурге политехникума».

Аналогичные документы были направлены министру торговли и промышленности, министру финансов, министру народного просвещения, государственному контролеру, пермскому губернатору и другим лицам, в чьих руках находилась судьба проекта.

Свое мнение об уральском вузе П. А. Столыпин выразил в письме министру торговли и промышленности тогда же в сентябре. Он писал, что «вынес убеждение в невозможности откладывать далее разрешение вопроса об учреждении на Урале высшего технического учебного заведения». Каким ценным для уральцев было мнение премьера. И если бы не его трагическая гибель, первый вуз на Урале удалось бы открыть значительно раньше.

Менялось к лучшему отношение к политехникуму со стороны различных организаций уральских промышленников. В октябре 1910 года с докладной запиской выступил комитет Екатеринбургской товарной и горнопромышленной биржи, представлявший интересы торговцев и промышленников восточной части Пермской губернии. В записке отмечалась настоятельная необходимость открытия высшего технического учебного заведения в Екатеринбурге вблизи большой группы промышленных предприятий, которые нужно обеспечивать квалифицированными специалистами.

К 1910 году определилась и структура политехникума, в которой нашло отражение исторически сложившееся на Урале разделение труда и система экономических связей между различными отраслями производства. Предлагались варианты политехникума с горнозаводским, лесным и сельскохозяйственным отделениями, или состоящим из горного с горнозаводским и лесного с агрономическим отделениями, или в составе трех отделов: горного, горнозаводского и лесного с подотделом сельского хозяйства.

Необходимость горного или горнозаводского отделений в составе политехникума очевидна и не требует особых пояснений. Вопрос современного читателя может относиться к обоснованию необходимости двух других отделений. Подробный ответ на него дан в специальном докладе Обухова. Он писал: «Связь лесного дела с горным является столь прочной и тесной, что одно горное дело на Урале без лесного существовать не может (в свое время эта связь была закреплена горно-лесным законодательством-В. Ф.)... Урал, ведущий выплавку чугуна, выделку стали, железа и меди на древесном горючем без древесного угля существовать не может... Местный уголь Луновского месторождения не коксует, и использовать его для выплавки чугуна нельзя. А потребность Урала в угле составляет 40 млн. пудов. Для получения угля использовали в основном примитивные способы — костровой или кучный. Более совершенные способы переугливания древесины в печах были редки. Объясняется это нехваткой специалистов лесного дела. Лесные институты выпускают мало специалистов, чтобы они могли служить на Урале на частных заводах, да и на казенных их почти нет.

В течение 200 лет крупные уральские заводские округа площадью 0,1-1,0 млн. десятин не имели и не имеют лесничих специалистов.

Поэтому лесное хозяйство ведется неправильно, неэкономично и ведет к лесоистреблению».

«Эта отрасль промышленности (лесное дело-В. Ф.), -отмечал горный инженер Марков Г. А.,- при правильной постановке дела может, с одной стороны, много способствовать развитию горного дела на Урале, с другой стороны, она может дать заработать массам населения».

Говоря о необходимости агрономического отделения, Обухов в своем докладе приводит такую справку: из районов, тяготеющих к Екатеринбургу (Верхотурский, Камышловский, Ирбитский, Шадринский уезды; и Тургайские степи), вывоз хлеба в западные порты страны, т. е. на экспорт, колебался от 20 до 30 млн. пудов в год. Кроме этого, в тех же районах (по данным Екатеринбургской биржи) перемалывалось до 31 млн. пудов хлеба в год. Вывод из справки следует однозначный: конечно же, Уралу нужна была агрономическая школа.

В эту принципиальную структуру будущего политехникума предлагались различные дополнения и уточнения. Марков Г. А. отмечал, что одной из причин «переживаемого в настоящее время промышленного кризиса следует считать недостаточное знакомство промышленников с экономическими науками». Поэтому рекомендовал включить в программу горнозаводского отделения курс экономики.

Члены УОЛЕ хотели видеть горный отдел с курсами по изучению, исследованию и разведке рудных месторождений, горного искусства, ведению горных работ (подземных и наземных) и, механическому обогащению руд; заводской — с курсами горнозаводской механики, металлургии чугуна, железа, стали, меди, серебра, золота и платины, электротехники и электрометаллургии.

Пермское губернское земское собрание высказало пожелание, чтобы в политехникуме готовили специалистов для нарождающейся на Урале минерально-химической промышленности. «Для этого есть основания. Руды Урала дают сырые материалы для всех химических предприятий центральной и восточной России».

С высоты более семи десятков лет, прошедших с момента открытия института, как курьезное, можно привести замечание Маркова о нецелесообразности подготовки инженеров-механиков: "... те 5-6 машиностроительных заводов, которые могут возникнуть на Урале и удовлетворить машинами потребность всего Урала и Сибири, могут пригласить к себе специалистов-механиков

уже из существующих в России высших учебных заведений этого типа". Уральцы были единодушны в том, что программа вуза должна быть ориентирована на потребности края. Они совершенно справедливо полагали, что только так можно рассчитывать на всестороннее изучение уральской природы, - в этом виделся им один из залогов будущего развития его производительных сил. Прогноз, как показала жизнь, оправдался. Институт, ориентированный на решение таких задач, в социальном отношении мог быть только демократичным, доступным самым широким слоям населения. Обухов в докладной записке на имя министра торговли и промышленности писал по этому поводу в 1911 году следующее: "... предполагается, что в Уральский горный институт войдет главным образом местный элемент, отцы, деды и прадеды которого всю жизнь прожили в обстановке горного дела, и от этих новых будущих инженеров следует ожидать не стремления к занятию должностей управителей, окружных инженеров и других высоких рангов, а инженеров-разведчиков, которые вернут былую славу Уралу и Уральский институт займет место наряду с Фрайбергским".

Огромная подготовительная работа, проведенная екатеринбуржцами, дала блестящие результаты. В июне 1911 года в Петербурге состоялось заседание междуведомственной комиссии Министерства народного просвещения по вопросу открытия вуза «в том или другом из конкурирующих между собой городов...»

Право Екатеринбурга на заседании отстаивали горный инженер из Невьянска Николай Степанович Михеев и городской голова Александр Евлампиевич Обухов.

Сведения о жизни Михеева крайне скудны. Некоторое представление о нем дает небольшой эпизод, приведенный уральским публицистом Ф. Вибе в «Повести о трудолюбивом Груме».

Владимиру Ефимовичу Грум-Гржимайло, в бытность его начальником Алапаевского горного округа, понадобился специалист для проведения геологоразведочных работ, который бы смог оценить перспективы Алапаевского железорудного месторождения. С такой просьбой он обратился к тогдашнему почетному директору Геолкома уроженцу Урала А. П.-Карпинскому. Александр Петрович порекомендовал Михеева, окончившего в 1904г. Петербургский горный институт. Но Грума смутил слишком молодежавый вид Николая Степановича, и он засомневался, брать ли его. Чтобы рассеять сомнения, позвонил еще раз Карпинскому, но тот уверенно заявил, что «у мальчика есть глаз». Так решилась судьба Михеева. Он был приглашен на солидную должность заведующего рудным хозяйством Алапаевского горного округа.

Грум-Гржимайло не пришлось пожалеть о сделанном выборе. Николай Степанович обосновал своё представление о происхождении Алапаевской железной руды, из которого следовало, что месторождение имеет форму единого пластообразного тела. Инспектировавший его в 1906 г. Карпинский признал справедливость гипотезы. Прогноз оказался удачным, и завод был обеспечен сырьем на многие годы.

История с Горным показала, что Михеев был не только «глазастым», но и «головастым» человеком, превосходным психологом и тонким дипломатом. Им была составлена капитальная докладная записка, которую вместе с соответствующими картами специалисты квалифицировали как крупный научный труд. Он же являлся и основным докладчиком. Обухов должен был делать сообщение о финансовой стороне проекта и об учреждении лесного и сельскохозяйственного отделений в будущем политехникуме.

«Я,- вспоминал позже Николай Степанович,- выступил с изложением основных положений, которые были высказаны в составленной мной докладной записке. Во время речи по тому вниманию, с которым ее слушали, и по тем сплошь и рядом неуловимым признакам, которыми определяются связь между оратором и аудиторией, я постепенно приходил к выводу, что наша докладная записка сослужила уже нам крупную службу и что речь производит впечатление. Это ободрило меня... Все время я старался быть объективным, никакой полемики с пермской докладной запиской не допускал... Когда довелось изложить все, то никаких вопросов комиссией сделано не было». Речь была блестящей.

Выдержанным, корректным и аргументированным было и выступление городского головы. По-иному сложилось дело у пермского депутата князя Г. Е. Львова. Он давал объяснение около полутора часов и, выйдя обескураженным из зала заседания, сказал, что Пермь проиграла и что ему устроили форменный экзамен.

Так закончилось противостояние двух городов, и 8 июня 1911 года из Петербурга на Урал полетела телеграмма: «междуведомственное совещание своим заключением высказалось открытие горного института Екатеринбурге-Михеев». Комиссия сочла, что на первое время можно вместо политехникума ограничиться только горным.

Дают нам ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ!

В конце октября на заседании городской думы обсуждались результаты поездки в столицу. Все отмечали, что город теперь безусловно выдвинется и займет лучшее положение, чем

большинство губернских городов, что это успех, которому в значительной степени обязаны Михееву. По достоинству оценили записку Николая Степановича и недавние соперники. На заседании губернского земства она «буквально вызвала восторг. Он сумел не только сосредоточить и развить всю аргументацию, но и примирить различные интересы и всех умиротворить. Велики заслуги Н. С. Михеева не только перед Екатеринбургом, но и перед всем Уралом».

Члены же думы единогласно выразили благодарность Михееву вставанием. Так было преодолено еще одно препятствие и сделан еще один шаг к открытию Горного института. Вопреки поговорке «с сильным не борись, с богатым не судись» екатеринбуржцы боролись и победили.

На том заседании думы, где чествовали Михеева, состоялся следующий разговор:

Михеев: «Мы достигли цели, но теперь нужно вырешить, каким путем добиться наискорейшего открытия вуза в 'Екатеринбурге. В комиссии г. Кассо уже преступлено к заготовке доклада в Совет Министров. В Совете вопрос скоро будет рассмотрен, а затем он перейдет в законодательные учреждения. Вся суть теперь в том, когда будет разработан проект. Наиболее заинтересованным министерством в открытии у нас вуза является Министерство торговли и промышленности. Городу необходимо вступить в непосредственные сношения с этим министерством, а также с комиссией Кассо, предложив свои услуги по доставлению с места всех сведений, необходимых для составления проекта».

Магницкий: «Что подразумевается под открытием учебного заведения — обязательная постройка помещения для него, или же возможно использовать временные помещения». Городской голова: «Можно в существующих зданиях. Например, Харитоновский дом».

Первым этот разговор и расскажем о том, как пересеклась история архитектурной жемчужины Урала дома Расторгуева-Харитонова и Горного института.

В Екатеринбурге задолго до открытия высшего учебного заведения начали заинтересованно обсуждать вопрос о том, какое место в городе лучше всего подходит для строительства институтского здания. Первым, пожалуй, по этому поводу высказался Г. А. Марков. Гавриле Александровичу было по душе место, которое занимала Императорская гранильная фабрика. На ее территории он предлагал построить главный корпус института, обратив его фасадом к Екатерининскому собору (снесен) и зданию Окружного суда (теперь в нем расположен Дом Союзов). Остальные институтские постройки должны были быть расположены на территории, занятой железнодорожными мастерскими. Водяную силу городского пруда предполагалось использовать для работы учебно-вспомогательной фабрики. Но замысел Маркова не был реализован, хотя его поддерживали и некоторые члены думы и начальник Пермской железной дороги, в чьем ведении находились мастерские.

Вечером 30 октября 1909 года на первом заседании комиссии об открытии вуза среди прочих обсуждался и вопрос о месте расположения института. Рассматривался вариант Маркова и предложение Обухова приобрести на льготных условиях или получить в аренду на небольшой срок Харитоновский дом. К предложению Обухова как более реальному вернулись два года спустя после решения междуведомственной комиссии.

К началу века усадьба и дом Харитонова-Расторгуева принадлежали Акционерному обществу Кыштымских горных заводов, которое часть дома сдавало в аренду под жилье, часть помещений из-за ветхости пустовала, в саду было открыто кафе-шантан. В сентябре 1911 года на совместном заседании городской управы и комиссии об открытии института решили, что «Харитоновский дом на первое время подходит. Если министерство (Министерство торговли и промышленности-В. Ф.) признает его подходящим, оно и купит его, если нет, отведем место за городом». Купить дом за 100 тыс. руб. поручили городскому голове. Цена была невысокой (одна только земля под усадьбой стоила таких денег), представители завода шли навстречу сделке, понимая, какое значение для Урала имеет будущий вуз. Частным лицам заводоуправление назначало за дом значительно большую цену-250-300 тыс. рублей.

В конце сентября возникло неожиданное осложнение. Присяжный поверенный Магницкий Н. Ф. попросил приостановить дело о покупке дома, мотивируя свое заявление тем, что дом старый и ветхий, а фактический доход, который он приносит, очень мал и что городу с продажей дома ставят западню. Началась полемика, в которую включались газеты. Владельцы дома сочли себя обиженными, сказав, что всякие разговоры о продаже прекращаются.

Но великий лекарь — Время — лечит любые недуги. Страсти постепенно улеглись, и переговоры были продолжены. Сложность их заключалась в том, что на продажу дома необходимо было согласие общего собрания акционеров, которое собиралось редко, так как некоторые из членов жили в Англии.

При реализации проекта организации Горного института пришлось столкнуться со многими трудностями. К концу 1913 года решили ускорить дело, открыв институт во временных помещениях, не купив, а арендовав и приспособив для этого Харитоновский дом. Но внимательный осмотр дома показал, что он в силу особой конструкции постройки «не может соответствовать требованиям, которые предъявляются к помещениям института». Не оставив совсем идею использовать дом, члены комиссии предложили под институт ряд других помещений в городе:

центральную уральскую и золотосплавочную лаборатории, свободные помещения художественной школы и Уральского горного управления, лаборатории Уральского горного училища. Председатель Екатеринбургской земской управы А. М. Симанов вел переговоры с духовенством об аренде епархиального дома братства святого Симеона. В отношении же постоянного места Горного института позже наметили участок земли по оси Главного проспекта (теперь проспект Ленина) на восток от города, за железной дорогой.

«Дальше в лес — больше дров»: решением межведомственной комиссии был открыт своеобразный шлюз, через который на уральцев (теперь уже действительно уральцев, а не пермяков и екатеринбуржцев в отдельности) обрушился поток проблем, задач, вопросов — сиюминутных и стратегических, простых и сложных. Памятуя о том, что железо надо ковать, пока оно горячо, наши предки-уральцы энергично, с присущей им основательностью, стали доводить начатое дело до конца. Вот как выглядит хронология некоторых событий следующих трех с половиной лет.

21 июня 1911 г. На заседании городской думы было высказано пожелание о скорейшем открытии хотя бы одного отделения института, для чего предлагалось немедленно войти с ходатайством в правительство. Этим стала заниматься специальная комиссия гласных думы.

15 сентября 1911 г. Справочный отдел Совета местного хозяйства Министерства внутренних дел уведомил городского голову о том, что вопрос об открытии политехникума предлагается внести в Совет Министров в непродолжительное время.

21 сентября 1911 г. На заседании городской думы был доложен проект докладной записки, содержащей ходатайство перед государственными учреждениями и господами министрами о скорейшем открытии в Екатеринбурге политехникума хотя бы во временных помещениях.

20 марта 1912 г. Городская дума разослала письма депутатам Государственной Думы от Пермской губернии Ф. Ф. Кондратьеву, К. М. Петрову и М. А. Васильеву с просьбой «оказать содействие в ассигновании средств на открытие Горного института в Екатеринбурге в первую ближайшую очередь».

19 июля 1912 г. Выписка из журнала заседания Екатеринбургской городской думы: «На основании высочайше утвержденного 2 апреля сего года положения Совета Министров, в городе Екатеринбурге признан подлежащим открытию Горный институт. Во исполнение такого постановления, Министерству торговли и промышленности подлежит озаботиться выработкой законопроекта об учреждении названного учебного заведения — по окончательном выяснении достаточного участия местных средств в расходах по устройству и оборудованию высшей школы».

К этому времени местными земствами (Пермским губернским, Екатеринбургским и Оханским уездными) и Екатеринбургской городской думой в Министерстве торговли было заявлено более одного миллиона рублей. «Сверх того Екатеринбург отводил под постройку учебного заведения 15 десятин необходимой земли и представлял для практики студентов городскую лесную дачу до 600 десятин лесного пространства».

16 августа 1912 г. Городской голова сообщил думе, что инженер Александр Александрович Бубликов пожертвовал 100 тыс. руб. на учреждение при Горном институте особой лаборатории для исследования на Урале каменного угля, нефти, торфа и прочих горючих ископаемых. За это бескорыстие дума избрала А. А. Бубликова почетным гражданином Екатеринбурга.

Сентябрь 1912 г. Обухов делает запрос управляющему учебным отделом Министерства торговли и промышленности А. Е. Лагорио о необходимых размерах помещения Горного института для составления сметы.

28 ноября 1912 г. На заседании думы Обухов огласил отношение учебного отдела Министерства торговли и промышленности о высылке городской управе материалов для составления сметы на Горный институт с кафедрой лесоводства. Городской архитектор И. К. Янковский доложил о стоимости оборудования Варшавского политехникума, о размерах площадей полезных помещений Екатеринославского высшего горного училища и свои соображения о размерах и стоимости строительства Горного института. Члены думы сошлись во мнении, что строительство и оборудование вуза обойдется уральцам дороже 3 миллионов.

Новый, 1913, год принес и массу новых проблем.

30 января 1913 г. В городскую управу пришло письмо из канцелярии Пермского губернатора по поводу «ходатайства думой о разрешении Екатеринбургу заключить заем в сумме 3 млн. руб. на открытие института. Поскольку финансовое положение города было сложным, то Министерство внутренних дел постановило разрешить заем только после получения от города соответствующих гарантий».

Вопрос об экономическом обеспечении проекта обсуждался почти полгода, и когда было доказано, что «гарантия о взносе 3 млн. руб. на Горный институт сполна обеспечивается ожидаемым доходом от предполагаемых построек доходных домов, гостиного двора, бойни и проч.», Министерство утвердило эту гарантию.

16 июля 1913 г. В Екатеринбург пришла радостная телеграмма от Бубликова о том, что трехмиллионный кредит прошел на междудеятельном совещании и осталась последняя формальность — окончательное утверждение в Совете Министров. И Обухов торопит в связи с этим Министерство торговли о командировании в Екатеринбург компетентного чиновника для обсуждения вопроса о выборе места постройки института или о временном здании для этой цели.

Многие годы работавшие на уральских заводах, — В. Ё. Грум-Гржимайло, М. А. Павлов и их не менее именитый коллега А. А. Байков; выдающийся ученый-геолог, путешественник и педагог В. А. Обручев и другие. Уральцы не декларировали, а всерьез собирались штурмовать вершину, подобную всемирно известной Фрайбергской академии, и отчетливо сознавали свою ответственность перед будущими поколениями, ради которых собственно и трудились.

1914 год, один из самых трагичных в истории России, начался для уральцев многообещающе.

17 января 1914 г. На экстренном заседании думы вернувшийся из Петербурга Симанов сообщил, что законопроект как об открытии, так и о строительстве Горного института благополучно прошел все инстанции, считая и Совет Министров, где прохождение его, по мнению Лагорио, можно считать обеспеченным. Однако, полагая, что кашу маслом не испортишь, городская дума послала большому числу депутатов Государственной Думы записку, «почтительно ходатайствуя перед ними выступить в защиту Урала».

12 февраля 1914 г. Бубликов телеграфировал, что законопроект положительно оценен междудеятельным совещанием и на днях выносится в Совет Министров.

Одобренный правительством, он предусматривал открытие института и временный штат, состоящий из ректора, декана, 11 ординарных и 8 экстра-ординарных профессоров, преподавателя богословия, 11 старших и 8 младших лаборантов, 15 штатных преподавателей, хранителя музея, препараторов, 6 лекторов, библиотекаря и его помощника, секретаря Совета института, делопроизводителя и двух их помощников, бухгалтера с помощником, смотрителя зданий, архитектора, врача и фельдшера. Были установлены и расходы на строительство и оборудование будущего вуза в 2 млн. 942 тыс. рублей. Сумма весьма близкая той, которую определили в своей смете уральцы.

Небезынтересно отметить, что пост ректора в «Табели о рангах» — российском законе о порядке прохождения государственной службы — отвечал IV классу. На гражданской службе ему соответствовал чин действительного статского советника, на военной — генерал-майора. Поэтому официальным обращением к таким людям было «Ваше Превосходительство». Звание профессора давало право на V класс и чин статского советника. Все, кто получал восемь первых рангов, причислялись к потомственному дворянству.

Надо отдать должное разработчикам законопроекта, не по-чиновничьи тонко понявшим трудное положение нового института в российской глубинке, медвежьем углу империи. Поэтому вузу и работающему в нем персоналу должны быть предоставлены определенные полномочия и привилегии. Законопроект давал институту право «удостаивать лиц, выполнивших всю программу заданий и испытаний... и защитивших установленные для получения диплома работы, — звания горного инженера с представлением сим лицам всех прав и преимуществ, присвоенных лицам, окончившим Горный институт императрицы Екатерины II...». Таким образом, Уральский горный приравнялся к старейшему и престижнейшему в Европе Петербургскому горному институту.

Еще дальше в расширении привилегий пошла комиссия Государственной Думы по народному образованию.

Май 1914 г. Эта комиссия под председательством Д. И. Шаховского в докладе, направленном в бюджетную комиссию, предложила не задерживать открытие института из-за отсутствия собственного здания, а начать занятия во временных помещениях. Предлагалось также предоставить профессорам Екатеринбургского горного института преимущественные права в получении повышенной пенсии по сравнению с другими вузами: за 25-летнюю службу ординарным профессорам положить пенсию в 3000 руб. в год, экстра-ординарным — 2000, а за 30-летнюю — соответственно 4500 и 3000 рублей.

Абсолютные цифры мало о чем говорят. Как известно, все познается в сравнении. Да и времени с тех пор прошло немало. Поэтому приводим таблицу цен на продукты питания и предметы первой необходимости по состоянию на август 1914 года. Комментарии, думаем, излишни! Несомненно то, что в тогдашней России существовал культ компетентности и интеллектуальный труд оценивался по достоинству. Мозг творчески одаренной личности — это самое надежное и прибыльное помещение капитала. Экзотические цветы можно выращивать только в оранжереях,

не скупясь на затраты и не обременяясь сиюминутной выгодой. На каменистых пустырях растет один чертополох.

Комиссия высказала также пожелание, чтобы профессора были приглашены заранее, чтобы они смогли принять участие в организации учебного процесса и в постройке здания. А местным властям рекомендовалось активно участвовать в решении этих вопросов, поскольку «создание Горного института на Урале является делом первойшей важности». Последнее пожелание было, пожалуй, излишним. Уральцы и так работали не за страх, а за совесть.

14 июня 1914 г. В этот день в Екатеринбурге получили телеграмму следующего содержания: «законопроект открытия Екатеринбурге Горного института принят сегодня Государственной Думой Председатель Государственной Думы Родзянко».

Вряд ли надо говорить, с какими чувствами встретили уральцы это долгожданное известие. И городской голова Обухов спешит разослать благодарственные телеграммы:

- Управляющему учебным отделом Министерства торговли и промышленности А. Е. Лагорио: «Получив радостное известие о решении Государственной Думой вопроса об открытии Горного института и вполне надеясь на благополучное разрешение вопроса Государственным Советом, от лица екатеринбургских граждан приношу искреннюю, глубокую благодарность за все Ваши труды, увенчавшиеся таким блестящим успехом, и от учащейся молодежи Урала, ждущей горного образования на родине...»;
- Депутату Государственной Думы, почетному гражданину города А. А. Бубликову: «Искренне благодарю Вас за радостную весть решения Государственной Думой открытия здесь Горного института. Граждане Екатеринбурга не забудут Ваш щедрый дар, послуживший первым камнем основания института, и Ваши труды к достижению благополучного разрешения давножданного для Уральского края вопроса»;
- Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко: «Искренне благодарю Ваше Превосходительство от себя и всего екатеринбургского общества за радостную весть решения Государственной Думой открытия здесь Горного института. Выражаю Вам глубокую признательность граждан за Ваше содействие благополучному решению дорогого всему Уральскому краю вопроса».

Однако Государственная Дума была не последней инстанцией, после которой законопроект становился законом. Из Думы законопроект переходил на рассмотрение в Государственный Совет, Председателю ^ которого Обухов считает не лишним поклониться и напомнить, что:

«Открытие Горного института в 1914 г. в Екатеринбурге решено Государственной Думой в положительном смысле; теперь судьба Урала... всей его промышленности и культурной жизни в руках Государственного Совета. Сотни молодежи ждут с нетерпением института. Управа завалена массой запросов о времени открытия института. Почтительнейше ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством оказать свое авторитетное влияние на благоприятное Уралу решение вопроса об открытии института в Екатеринбурге осенью текущего года, для чего все, начиная с квартир, будет подготовлено».

30 июня 1914 г. Государственный Совет принял закон о Горном институте.

3 июля 1914 г. Закон высочайше утвержден Николаем II. Сей торжественный акт состоялся на борту императорской яхты «Штандарт».

«Ура! Наш увенчался труд, Дают нам Горный институт. И душу веселя свою, За ваше я здоровье пью»

Такую шутивную телеграмму прислал Николай Степанович Михеев Александру Евлампиевичу Обухову. Да, они имели законное право выпить.

Свершилось событие большого исторического значения в культурной жизни не только Урала, но и всей России. Здесь нет преувеличения — да, и всей России тоже.

Первый ректор

Начало XX века, т. е. время, когда работа над проектом Уральского горного института проходила наиболее активно, характеризуется мощным подъемом в экономической, общественно-политической и культурной жизни страны. Вот факты. С 1900 по 1913 годы ежегодные темпы роста промышленности в среднем составляли 5,7 %; в урожайные годы мировой рынок на 40 % был заполнен российской пшеницей, в неурожайные-только (!) на 11,5%; перед первой мировой войной Россия занимала пятое место в мире по объему промышленного производства и тенденция была такова, что в скором времени она должна была переместиться на второе. Развивающаяся промышленность нуждалась в большом количестве грамотных людей и поэтому отчисляла со своих прибылей значительные денежные суммы на культурные и просветительские нужды страны. В период с 1902 по 1912 годы ассигнования на народное образование ежегодно возрастали на 21%. В 1908 г. был принят закон о введении обязательного начального образования. По числу печатающихся книг на душу населения Россия занимала второе место в мире. Если перейти к уральским проблемам, то надо отметить, что почти из трех миллионов рублей, определенных законом на строительство Горного института, только треть покрывалась из местного бюджета. Не имея такой материальной поддержки со стороны государства, Урал вряд ли сумел бы реализовать свой проект. А значительные субсидии оказывались возможными только при стабильно развивающейся экономике. Более того, государство, вкладывая значительные средства, рассчитывало на отдачу в виде интеллектуальной мощи будущих уральских инженеров, которые могли бы способствовать дальнейшему экономическому и культурному росту России.

Можно понять нетерпение уральцев, желавших непременно осенью 1914 года, реально, а не на гербовой бумаге, хоть и подписанной царем, открыть институт. Этим нетерпением полно приведенное выше обращение Обухова к Председателю Государственного Совета. Но "... к сожалению, открытие института в наступающем учебном году состояться не может,- телеграфировал Лагорио Обухову 9 июля.-Закон об учреждении института министерством еще не получен. Вопросы, затронутые в телеграмме (посланной Обуховым Лагорио В. Ф.), будут разрешены по назначению директора, формирования учебного персонала и выработки правил приема". Задержка досадная, однако требования управляющего учебным отделом были справедливыми. Не успела еще высохнуть краска на телеграфном бланке, как эти требования показались цветочками по сравнению с гигантскими ягодами, выросшими 19 июля, когда Германия объявила войну России и началась первая мировая.

Эта война открыла новую главу в истории создания Горного. С ее началом все невероятно усложнилось. Свет, ярко заблеставший в «конце тоннеля», начал меркнуть. Совсем он погаснуть уже не мог — слишком большую инерцию набрало дело, и в сознании уральцев время до первого звонка измерялось внесистемной единицей «чуть-чуть». Городская дума была завалена запросами о сроках открытия института. Вот характерный образчик понятного и очень уважительного ответа Обухова ученику 7 класса Пермского реального училища Михаилу Ваеву:

«На письмо Ваше от 11 сего января (1915 г.--В. Ф.) имею честь уведомить, что городское управление принимает все зависящие от него меры к тому, чтобы в течение года был открыт прием в Екатеринбургский горный институт. В феврале месяце я предполагаю быть в Петрограде и лично буду настаивать в Министерстве торговли и промышленности на открытии института. Но ввиду общего сокращения расходов по государственной росписи ввиду военного времени мало рассчитывать на успех. Вряд ли институт будет открыт в 1915 г., хотя земством, а также городской думой в заседании 9 сего января ассигнованы деньги на содержание персонала института.

Во всяком случае, если моя миссия увенчается успехом в Петрограде, об открытии института и приеме слушателей будет своевременно объявлено в наших местных и пермских газетах».

Из ответа реалисту предельно ясно вырисовывается ситуация, сложившаяся с Горным на начало 1915 г.-"... по случаю войны, все уже разрешенные правительством кредиты... закрыты". Открыть их могли никак не раньше окончания войны, и это в лучшем случае. А война только началась. Когда и как она кончится, никто не знал. Поэтому рассчитывать можно было только на свои силы и средства. В Екатеринбурге так и поступили. Начали с того, что решили сосредоточить все полномочия по созданию института в одних руках — в руках будущего ректора. При нем предполагалось создать Строительную комиссию, в которую входили бы и представители местного самоуправления. Расходы на содержание ректора и его канцелярии, а это 17 тыс. руб., брала на себя городская управа.

Инициативу екатеринбуржцев поддержали в Петрограде. Неопределенность, уныние и растерянность сменились энергичной, созидательной деятельностью.

Во второй половине 1915 г. была создана Строительная комиссия во главе с ректором. Им стал 36-летний профессор Петроградского горного института Петр Петрович фон Веймарн. Среди множества людей, чье бескорыстие, подвижничество и любовь к Уралу легли в фундамент Горного института, Веймарн занимает особое место. Это дает право, хоть коротко, рассказать о нем.

Род Веймарнов ведет свое начало от древних викингов. Во второй половине XVII века грамотой шведского короля Карла XI Веймарны были возведены в дворянское достоинство. Переселившись в Россию, этот род не захудал и не потерялся. Его представители верой и правдой служили новой родине. Судите сами. В «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона упоминается сенатор Г.- А. Ф. Веймарн, музыкальный критик и композитор П. П. Веймарн, в «Военной энциклопедии»-генерал-поручик И. И Веймарн, считавшийся одним из образованнейших генералов в русской армии во времена Екатерины II. Военным был и отец Петра Петровича – Петр Иванович. Он вышел в отставку в чине генерал-майора лейб-гвардии конно-гренадерского полка.

В свидетельстве, копия которого хранится в Ленинградском историческом архиве, записано, что «тысяча восемьсот семьдесят девятого года, июля пятого числа лейб-гвардии конно-гренадерского полка у капитана Петра Ивановича Веймарна и законной жены его Юлии Федоровны, оба православного вероисповедания, родился сын Петр».

Поскольку семья принадлежала к верхнему слою русского дворянства, то юного Веймарна по старой традиции отдали вначале в Александровский кадетский корпус, после окончания которого он поступил в Петербургский горный институт, затем восемь лет интенсивнейшей учебы, давшей блестящие результаты не только в виде диплома с отличием и звания горного инженера по заводскому отделению, но признание русской и мировой научной общественностью за выдающиеся достижения в коллоидной химии.

В научной деятельности у Веймарна почти не было периода ученичества. В 1908 году, сразу же после окончания института, он защищает диссертацию и избирается адъюнктом по кафедре физической химии в Горном институте. В 1911 году за исследование «К учению о состоянии материи» он удостоивается звания профессора. Одновременно с работой в Горном Веймарн состоит приват-доцентом в Петербургском университете. В течение нескольких лет ему присуждается несколько престижных премий: Русского физическо-химического общества, Императорской Академии наук, дважды-премия Императорского Московского университета и Горного института.

Австрийский минералог Феликс Корну, подчеркивая выдающееся значение работ Веймарна для генезиса минералов, назвал в его честь один из первых коллоидных минералов веймарнитом. Наиболее тесные творческие связи у Петра Петровича сложились с выдающимся немецким физико-химиком, нобелевским лауреатом Вильгельмом Оствальдом. Веймарн был приглашен в число постоянных сотрудников международного журнала коллоидной химии, издававшегося в Германии Оствальдом. Учитывая исключительно важное значение работ русского ученого, редакция взяла на себя обязанности их перевода на немецкий язык. В 1913 г. под научной редакцией Веймарна в России вышел перевод капитального труда Оствальда «Основы физической химии». Нельзя не привести и характеристику, данную Оствальдом Вей-марну: "... исключено, что исследователь коллоидов, который хочет сотрудничать в расширении границ нашего современного познания коллоидов, беспрестанно не привлекал бы к разъяснению и разбору гениальные исследования русского ученого". Эти слова написаны в 1911 году, когда Петру Петровичу было 32 года.

Пионерская научная деятельность Веймарна — превосходная иллюстрация к замечанию Владимира Ивановича Вернадского о том, что «вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни и тысячи исследователей, придерживающихся господствующих взглядов».

Как истинно талантливый человек Веймарн был талантлив разносторонне. Природа наделила его даром педагога, наставника, воспитателя. Это особенно важно, поскольку, как отмечал коллега Веймарна по Уральскому горному институту профессор математики Я. А. Шохат: «У русских ученых это встречается редко и составляет один из серьезнейших недостатков нашей высшей школы. Петр Петрович и здесь выделился, создав школу талантливых учеников».

Веймарн, вероятно, мечтал о расширении научно-педагогической деятельности и о создании своего института, но и понимал, как трудно это сделать, сколько это потребует силы и даже жертв. И самой болезненной из них будет отказ от активной научной работы. Что это такое для ученого его класса, вряд ли стоит говорить. Поэтому предложение занять пост ректора Уральского горного института он принял не сразу. Вот как он писал об этом: «Весной 1915 г. я получил предложение от Министерства торговли встать во главе вновь создаваемой высшей школы.

Данное мною сначала согласие я, однако, после оценки всей трудности возлагаемой на меня задачи взял обратно.

Осенью 1915 г. то же предложение мне было сделано повторно с двух сторон: представителями городского самоуправления Екатеринбурга и Пермского губернского земства, с одной стороны, и Министерства торговли — с другой.

Городской голова г. Екатеринбурга А. Е. Обухов, приехавший ко мне в Петроград по этому вопросу, убедил меня принять предложение, заверив, что моя работа по созданию высшей горной

школы на Урале встретит дружную поддержку уральских общественных деятелей, которые войдут в состав Строительной комиссии по избранию Екатеринбургского городского самоуправления, Пермского губернского и Екатеринбургского уездного земства.

Заверения уважаемого Александра Евлампиевича впоследствии оправдались вполне, но он, как и я, совершенно, конечно, не могли предвидеть тогда всех трудностей, которые создадут делу сооружения института затяжная война и последовавшая революция, осложненная гражданской распрей.

И теперь, когда протекло свыше 4-х лет с момента моего приезда на Урал, когда я вспоминаю все пережитое за то время, у меня невольно зарождается сомнение, правильно ли я поступил, пожертвовав несколькими годами своей научной работы на выполнение задачи, которая оказалась в действительности столь тяжелой, что на ней, я это прекрасно сознаю, надорвались мои силы, причем все же задачу эту выполнить в ее целом так и не удалось.

Но так или иначе, я согласился и с 1 сентября 1915 г. был откомандирован в качестве председателя Строительной комиссии и исполняющего обязанности ректора Уральского горного института в г. Екатеринбург».

В своих воспоминаниях Петр Петрович называет имена многих людей, чья искренняя преданность делу помогала ему преодолевать трудности. Большинство из этих людей сейчас забыто. Но имя одного человека хочется назвать. Это Николай Николаевич Ипатьев, инженер, технический консультант строительства. Тот самый, в доме которого содержалась под стражей, а затем была расстреляна царская семья. Во время гражданской войны Николай Николаевич и его жена Мария Федоровна (урожденная Гельцер) эмигрировали в Чехословакию, жили в Праге, там же и похоронены на Ольшанском кладбище, он — в 1938 г., она — в 1953 г.

Но раньше, чем выехать на Урал, Веймарн, чтобы не потерять строительный сезон будущего года, постарался найти архитекторов, которые смогли бы в короткий срок выполнить детальный проект института. Ими стали два брата А. А. и Е. А. Бернардацци. Один был архитектором-строителем, второй — архитектором-художником. Недавно и, как водится, совершенно случайно удалось узнать, что братья являются потомками известных в России архитекторов Иоганна и Иосифа Бернардацци. Иоганн и Иосиф — уроженцы местечка Помбио, расположенного в итальянской части Швейцарии, в Россию приехали в 1820 году, принимали участие в строительстве Исаакиевского собора и перестройке Аничкова дворца в Петербурге, но самостоятельно они проявили себя, занимаясь в течение двух десятков лет строительством в городах Кавказских Минеральных Вод и в Ставрополе. Наивысшим достижением этих архитекторов стал проект планировки и застройки Пятигорска. Иосиф Карлович Бернардацци скончался 5 октября 1840 г., а его брат Иоганн Карлович — 22 ноября 1842 г. Оба они похоронены на старом пятигорском кладбище.

Выбор Веймарна оказался удачным. Бернардацци блестяще в течение двух месяцев, организовав мастерскую из молодых талантливых сотрудников, главным образом студентов старших курсов Академии художеств, выполнили проект Уральского горного института: «Хотя почти все кругом утверждали, — как писал впоследствии Веймарн, — что это немыслимо и что строительный сезон будет неминуемо потерян». В разработке устройства металлургической лаборатории и лабораторий по естественным наукам Веймарну помогал его «старый товарищ» Н. Н. Барабошкин (впоследствии доцент и профессор Уральского горного института, профессор и заведующий кафедрой металлургии цветных металлов Уральского политехнического института) и профессор Варшавского политехникума В. А. Ванюков.

7 ноября 1915 г. в зале Екатеринбургской городской думы собралось первое заседание Строительной комиссии, одобрившей и утвердившей эскизный проект Горного института. И проект, и архитекторы Бернардацци были безо всякой волокиты утверждены Министерством торговли.

Что же представлял собой проект? Во-первых, он создавался с учетом перспектив развития города. Место для постройки выбрали на его восточной окраине, на возвышенности за железной дорогой, на оси Главного проспекта. На территории в 24 десятины (около 26 гектар) предполагалось построить учебные корпуса, дома для профессоров и преподавателей и студенческие общежития в общем, целый институтский городок. Главный корпус, удачно вписанный в ландшафт, площадью около 17000 кв. метров проектировался двухэтажным, П-образной формы в плане. Центральную часть здания украшал десятиколонный портик и широкая лестница, по которой можно было прямо с улицы подняться на второй этаж. Фасадная стена второго этажа была гладкой, на ней чередовались большие полукруглые окна с декоративными нишами. Нижний этаж, также с полукруглыми окнами, был рустован.

Территория, отведенная под застройку, отделялась от города линией Омской железной дороги, за которой около километра (почти до современного положения улицы Гагарина) тянулся заболоченный участок леса. Временно через него проложили деревянные тротуары. На будущее же Строительная комиссия просила городскую думу составить смету и выделить средства на

устройство мостовой или шоссейной дороги по продолжению Главного проспекта до института. А перед Управлением железной дороги ходатайствовали о строительстве через пути двух виадуков.

Весной 1916 г., как и предполагалось, приступили к работам. Подряд на строительство взял (точнее уговорили взять) итальянец, по профессии скульптор, Я. Я. Эспозито.

«Большим днем» назвала газета «Зауральский край» воскресенье 17 июля 1916 г., когда состоялась закладка первого камня в фундамент Уральского горного института. Вот как описывает это событие очевидец: "... находящийся среди леса участок, на котором сооружается здание, - был декорирован флагами и мачтами, перевитыми гирляндами зелени, временные рабочие здания перед входом на постройку убраны зеленью и гербами Перми и Екатеринбурга.

Для молебствия, на месте закладки, где уже произведены земляные работы, сооружен помост, декорированный зеленью, флагами, орифламмами (большой флаг, спускающийся на веревке, которая протянута поперек улицы-В. Ф.), осенен колышущимся на шнурах золотым пологом, сделана кафедра для произнесения речей: на заднем плане, окаймленный зеленой гирляндой, деревянный щит, на котором... план будущих построек и рядом рисунок фасада".

Торжество было многолюдным. Среди почетных гостей пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский, председатель губернской земской управы Е. Д. Калугин, екатеринбургский городской голова А. Е. Обухов, Главный начальник Уральских заводов П. И. Егоров, председатель УОЛЕ О. Е. Клер, члены Строительной комиссии во главе с П. П. Веймарном, много нарядно одетой публики.

После молебствия с водоосвящением на специальную медную доску, на которой выгравирована дата закладки, были уложены первые камни. То, о чем мечтали и говорили долгие годы, начинало свершаться. Немалая заслуга в этом была Строительной комиссии. За восемь месяцев ее деятельности было преодолено много запретов, трудностей и препятствий. Еще в феврале городская дума обсуждала вопрос о том, на каких условиях передать институту землю под застройку. Решили уступить безвозмездно. Невьянское заводууправление тормозило доставку цемента. Ряд заводчиков поставили 40000 штук негодного кирпича. Городская управа отклонила просьбу о доставке щебня и камня из карьера к месту строительства. Требовалось увеличение ассигнований. Плохо обстояло дело с каменщиками, пришлось выписать из Италии артель каменщиков, отличавшуюся необычайной производительностью, и т. д. Наконец, трудности позади, теперь из штабелей строительного леса, тысяч бочек цемента, груд бутового камня, щебня, песка, миллионов штук кирпича будет расти здание института.

Горный институт от идеи до ее воплощения был кровным делом уральской общественности, которая связывала с этим «рассадником науки» перспективы развития края. Поэтому, открывая череду приветственных выступлений, ректор института выразил общее желание «видеть в недалеком будущем вновь создаваемую высшую горную школу Урала стоящей высоко и работающей плодотворно». Но замечал, что создать такую «живую» школу труднее, чем дать ей мертвую оболочку в виде здания. Член Строительной комиссии Николай Флегонтович Магницкий назвал институт дитем общественной инициативы, а его создание делом близким и родным для всех уральцев. Так оно и было, даже если учесть некоторую эйфоричность выступления, которая, правда, уместна в таких торжественных случаях. Еще более прочувствованной была речь председателя биржевого комитета П. В. Иванова. Он говорил, что институт «выпустит из своих стен таких работников, которые так необходимы Уралу, - работников, проникнутых любовью к родному краю, людей с живыми знаниями». И восклицал: «Как же нам не радоваться дню, когда мы нашими руками положили первый камень грядущему Уралу!» - и был недалек от истины.

Пожеланиями прекрасного будущего молодому вузу на благо Урала и России были полны десятки поздравительных телеграмм: от Министерства торговли и промышленности, Председателя Государственной Думы, Императорской Академии наук, Петроградского горного института, частных лиц и общественных организаций.

Сугубо материальным было поздравление служащих Кыштымских горных заводов. Они собрали 7 тыс. рублей на учреждение именной стипендии.

Не обошлось и без изъявления верноподданнических чувств. По предложению Обухова на имя Николая II была отправлена телеграмма:

«Его Императорскому Величеству. Действующая армия. Собравшиеся на торжественную закладку здания Екатеринбургского горного института, вознеся за молебном, совершенным преосвященным Серафимом, горячие молитвы Господу Богу о драгоценном здравии Вашего Императорского Величества и даровании полной победы над упорным и дерзким врагом, повергаем к стопам Вашим, Всемилостивейший Государь, верноподданнические чувства и беспредельную благодарность за дарованную Уралу Монаршую милость осуществлением давних чаяний Екатеринбургского городского общественного управления и Пермского земства. Высшая горная школа, утверждаемая Вашим Императорским Величеством в годину всенародной борьбы с

немецким засильем, дает новые силы расцвету молодой русской промышленности во славу Вашу, Возлюбленный Государь, и дорогой нашей родины».

На следующий день был получен ответ: «Поручаю Вам передать Преосвященному Серафиму и всем собравшимся на торжество закладки здания Екатеринбургского горного института мою сердечную благодарность за молитвы и осуществляющие их чувства. Надеюсь, что учреждаемый новый рассадник знаний по горному делу даст родине полезных тружеников на поприще этой важной отрасли промышленности. Николай II».

А торжества в воскресенье закончились чаепитием для почетных гостей и фотографированием на память.

После праздника начались суровые будни. Строительство проходило в тяжелых условиях: нехватка рабочих рук, дороговизна строительных материалов, недобросовестность поставщиков, корыстолюбие подрядчика. Не раз раздавались голоса слабодушных о прекращении работ.

За два с половиной сезона была выстроена и закрыта крышей треть главного корпуса и произведены земляные работы под фундаменты остальных зданий. Но в июле 1918 г. город захватили белочехи, строительные работы прекратились и больше уже не возобновлялись. Недостроенное здание использовалось под военные склады, конюшни, оно постепенно ветшало и разрушалось. Дважды, в 1919 и 1925 году, предпринималась попытка к его восстановлению, но на это требовались большие средства. Первый раз затраты на восстановление оценивались в 2 млн., второй — в 9 млн. рублей. Таких денег никто не мог дать. Старожилы помнят, как долго еще стояли на окраине города мрачные обгорелые руины, пока их не взорвали в первые месяцы Великой Отечественной войны. Но судьба здания была решена значительно раньше, в 1929 году.

По воспоминаниям архитектора С. И. Барскова, которому было поручено вести работу по составлению проекта здания Уральского политехнического института, «при очень хорошем внешнем архитектурном оформлении здание Горного института имело чрезвычайно слабое планировочное и конструктивное решение. Поэтому многократно поднимавшийся вопрос о его достройке вызывал всякий раз большие дебаты. Особенно острые и длительные споры по поводу использования этого недостроенного корпуса... возникли в связи с решением Народного Комиссариата просвещения объявить в 1929 г. Всесоюзный конкурс на составление проекта зданий для Уральского политехнического института... Подробные задания конкурса, утвержденные Наркомпросом, предусматривали рабочую площадь помещений УПИ в 44230 кв. м в шести корпусах.' Рекомендовалось также использовать недостроенное здание Горного института... Первой премии был удостоен проект известного советского архитектора С. Е. Чернышева. Ни один проект, в котором выполнялось требование об использовании недостроенного здания Горного института, не был премирован».

Судьба здания Горного института — вопиющий пример малопонятного нормальному человеку расточительства. Не нашли удачного планировочного решения, что не делает чести архитекторам, пусть и известным, и на этом основании распорядились уничтожить почти готовое здание, в которое уральцы вложили столько сил, средств и надежд.

Деятельность Строительной комиссии не ограничивалась только возведением здания института, начиная с середины 1916 г., она занималась подготовкой учебного процесса, в частности созданием библиотеки.

Киевский князь Владимир говаривал, что человеку нельзя отказать в двух вещах — хлебе и книгах. Книга — духовный хлеб образованных и культурных людей — особенно нужна тем, кто стремится к сияющим вершинам знаний, ученым и студентам, поэтому во все времена одним из важнейших элементов престижности учебного заведения являлась библиотека, которой оно располагало.

История библиотеки Горного института началась задолго до его открытия. В ноябре 1913 г. Главный начальник уральских горных заводов получил письмо из Харькова от профессора тамошнего Технологического института Владимира Сергеевича Кнаббе о приобретении у него технической библиотеки числом в 741 том. Предложение было заманчивым, книги стоящие, собирались они в течение 25 лет, и, хотя оценивались по номиналу в 2000 рублей, хозяин просил за них только четверть цены. Судя по описанию библиотеки, сделанному с немецкой пунктуальностью, ее состав вполне соответствовал профилю института. — Письмо Кнаббе было препровождено по инстанции городскому голове. Документов, подтверждающих приобретение книг, найти не удалось. Но, сопоставляя рубрикатор библиотеки Кнаббе со старинными книгами, хранящимися в современной библиотеке института, можно предположить, что покупка состоялась. Если это так, то надо отдать должное дальновидности екатеринбуржцев. И вот почему.

В проекте первого уральского «рассадника науки» создание библиотеки на первых порах не предусматривалось. Ущербность такого решения была очевидной. Многие это понимали. В

торжественной речи при закладке здания института Веймарн с озабоченностью говорил, что в Молодом вузе «особенно важно для провинции создание фундаментальной библиотеки». И ее стали создавать на пожертвования.

Благотворительность и милосердие были всегда в лучших духовных традициях русского народа. Пример подал известный уральский промышленник В. А. Козелл-Поклевский. В письме Веймарну он писал:

«Выдающийся исторический момент в развитии города Екатеринбурга... заставляет меня принять... участие в создании будущего рассадника процветания Урала, ввиду чего я позволил себе... внести в Ваше распоряжение 5000 рублей на приобретение книг по химии в библиотечный фонд вверенного Вам института».

Благие порывы не должны оставаться безымянными, чтобы не оскудела рука дающего. Поэтому ректор, приняв дар, обратился в Министерство торговли за разрешением снабдить шкафы, в которых будут размещены книги, надписями: «Пожертвовано семейством Козелл-Поклевских».

Далее события развивались следующим образом. В конце июля Веймарн просит Губернское земство о выделении на устройство библиотеки 200 тыс. рублей. Сумма большая, но и обеспечение под нее уже было солидным: состоялась закладка здания института, планировалось через год подвести большую его часть под крышу и начать занятия, были утверждены штаты профессоров и преподавателей. И земство пошло навстречу, ассигнував, правда, не 200, а 100 тысяч. Большой вклад сделала жительница Екатеринбурга О. И. Дрозжилова, передав на устройство библиотеки 65 тысяч. В 1917 году в собственность института из Главной физической (геофизической) обсерватории были переданы книги Гершуна А. Л. Таким образом, к началу занятий в октябре 1917 года библиотека Горного уже насчитывала 9080 томов, которые находились под квалифицированной опекой библиотекаря М. Г. Гадд.

Ценные, можно даже сказать уникальные, поступления были в середине 20-х годов, когда Горный на правах института, а затем факультета входил в Уральский университет. В это время книжный фонд пополнился из библиотеки упраздненного в 1917 году в связи с отменой сословных привилегий Императорского Александровского лицея. Как известно, это учебное заведение появилось в конце 1843 года в результате реорганизации известного Царскосельского лицея.

Благодаря стараниям А. В. Шубникова и Н. К. Высоцкого из библиотек Москвы и Ленинграда были получены почти все геологические издания Академии наук и Геолкома, прислали свои книги выдающиеся ученые-геологи Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман и другие.

Александр Львович Гершун (11868-1915), русский оптик. В 1890 г. окончил Петербургский университет. С 1902 г. профессор Артиллерийского офицерского класса в в Кронштадте. Основные труды по прикладной оптике. Инициатор отечественного оптического военного приборостроения. В 1914 г. под его руководством в Петербурге был построен оптико-механический завод.

11 февраля 1921 г. в Екатеринбург прибыла первая партия книг лицейской библиотеки. Правда, при их разборе выяснилось, что много ценных изданий еще до передачи были розданы по различным организациям в Петрограде. Уралуниверситет получил около 35 тысяч томов. Позже книги вернули в Ленинград, но небольшая часть из них сохранилась в институтской библиотеке.

Невозможно без волнения держать в руках тома «Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремесел». Эта та самая бесценная французская энциклопедия — выдающийся памятник просветительства XVIII века, редакторами которой были Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбер. В истории человечества немного найдется книг, которые бы подобно энциклопедии оказали такое сильное влияние на умонастроение людей. Ведь детище Дидро, Д'Аламбера, Вольтера, Руссо и других мыслителей идеологически подготовило Великую Французскую революцию.

Энциклопедия была издана в Париже Л. Бретонем в период с 1751 по 1780 год, поэтому к началу открытия Царскосельского лицея в 1811 г. она могла уже быть в его библиотеке. Следовательно, не исключено, что эти книги держал в руках и читал юный лицеист Александр Пушкин.

Продолжая экскурс по старинным книгам, нельзя не упомянуть и о таком уникальном издании, как пятнадцатитомный «Ларусс XIX века». Так у библиофилов именуется «Большой универсальный словарь XIX века», вышедший в 1865-1876 г. в парижском издательстве Ларусс, основанном в 1852 году известным педагогом и лексикографом П. Ларуссом. Энциклопедия Ларусса — настоящее полиграфическое чудо своего времени — за антиклерикальный и либеральный характер было удостоено «особой чести» Ватикана. Ее внесли в «Индекс запрещенных книг».

В ряду фолиантов с потемневшими от времени кожаными переплетами и тусклым блеском золотого тиснения стоят 9-е издание «Британской энциклопедии», «Горная энциклопедия» и много других редких и интересных книг.

Провинциальный, уездный Екатеринбург хоть и располагал различными учебными заведениями — светскими и духовными, мало был приспособлен к обитанию в нем студентов. Малоимущая их часть должна была столкнуться с необходимостью иметь дополнительный заработок. Небольшой город с 70-тысячным населением вряд ли его мог обеспечить. И руководство института загодя начало решать вопрос о материальной помощи будущим «студизусам». Пошли по проторенному пути, наметив создать кассу вспомоществования. Ректор, обращаясь к общественности через газету «Зауральский край», писал, что «студенты, являясь в большинстве своем экономически необеспеченными, часто стоят перед дилеммой — или бросить учение и брать службу, или растягивать учение на большее число лет, деля свое время между занятиями в институте и работой ради куска хлеба... И то и другое положение одинаково тяжело для студентов, и... одинаково не выгодно русскому обществу..., нуждающемуся... в научно-образованных техниках. Поэтому прямой долг общества придти на помощь студенчеству, помочь пробиться сквозь нужду и дать возможность... скорее выйти во всеоружии знания на работу для блага родины».

Студенчество, испокон веков относясь к необеспеченным слоям населения, остается таким и до сих пор. Поэтому небезынтересно знать, как помогали им вузы. Делалось это различными путями: в виде кооперативной деятельности самих студентов, помощи благотворительных организаций, временной помощи различных организаций с последующим возвращением долга. В качестве прототипа в Уральском горном взяли кассу вспомоществования Петроградского горного. В основу организации таких касс был положен принцип: деньги не щепки, счетом крепки. Ее членами могли быть только совершеннолетние граждане, но не студенты; она имела правление и экспертную комиссию, которая определяла степень нуждаемости просителя. В правление входил один из членов Совета института, поскольку Совет располагал определенными суммами денег на помощь «недостающим студентам». В основную кассу пополнялись за счет членских взносов, пожертвований и различных случайных поступлений. Устав касс утверждался Министерством торговли и внутренних дел.

Члены Строительной комиссии с пониманием отнеслись к идее ректора, поддержали ее и многие изъявили согласие стать учредителями кассы. Правда, довести дело до конца не удалось. В нужный момент, к началу занятий, касса оказалась не способной полностью справиться со своими обязанностями.

Забегая вперед, необходимо заметить, что студентам Горного пришлось столкнуться сразу же и с другой проблемой. Екатеринбург встретил их не особенно дружелюбно. В частности, газета «Зауральский край» писала о квартирном кризисе, который «обострился в городе настолько сильно, что учащейся молодежи приходится ютиться чуть ли не в „углах“. В связи с этим вспоминается, что когда-то Екатеринбургское общество вспомоществования нуждающимся студентам получило в дар от города участок земли для постройки здания студенческого общежития, собрало для этого средства, но филантропический проект общества остался лишь на бумаге».

Однако автор заметки сгущает краски, рисуя такую мрачную картину. Тыловой Екатеринбург, переполненный военными командами и различными организациями, действительно испытывал острую нехватку помещений. Это осложняло городскую жизнь и нервировало обывателей.

На деловом и шумном Покровском проспекте (теперь улица Малышева) с банками и церквями, лучшими в городе гостиницами, магазинами и лавками, по соседству с особняком Козелл-Поклевского, дом под номером 52 (к настоящему времени снесен) ничем не выделялся. Обыкновенный екатеринбургский дом, двухэтажный, с каменным низом и деревянным верхом. Хозяин, Г. М. Александров (родственник известного советского кинорежиссера Александрова), сдавал в нем меблированные комнаты. Позже владелицей дома стала жена Александрова, и в бумагах городской думы он значился как «номера Александровой».

В годы первой мировой войны дом уже принадлежал городу, и одно время в нем жили военнопленные.

Прием в институт, как об этом будет рассказано позже, был объявлен в августе 1917 г., на первый курс зачислили около 300 человек. Сразу же возникла студенческая организация, которая занялась устройством быта горняков, она обладала юридической самостоятельностью, имела свой штамп и печать.

28 сентября она направила на имя гражданина городского головы ходатайство (поддержанное ректором), в котором просила его «оказать содействие перед городской думой в представлении в распоряжение организации для общежития студентов и канцелярии правления

помещения по Покровскому проспекту в доме № 52 (бывшие номера Александровой) с соответствующей обстановкой, электрическим освещением, отоплением, прислужгой, а также отнесением за счет городского самоуправления расходов на содержание квартир».

Городские власти быстро откликнулись на просьбу студентов, и уже 30 сентября на экстренном заседании думы было решено «отдать безвозмездно на один год студенческой организации Уральского горного института под общежитие „бывшие номера Александровой“. В доме произвели ремонт, нашлась у города и соответствующая обстановка. Таким образом часть студентов обрела кров.

Трудно давались институту первые шаги, он нуждался в поддержке, помощи, надежной опоре. Такой поддержкой, считал Веймарн, лучше всего заручиться у первого лица в государстве, у царя. И для этого совсем не обязательно просить у него каких-то материальных благ. Вполне достаточно, если, например, институт будет носить имя монарха. Так и поступили. 6 ноября 1916 г. Строительная комиссия обратилась к Николаю II с ходатайством о принятии института под „Его Императорского Величества Покровительство и о даровании ему именованья “Уральский горный институт Императора Николая II».

В пышно составленном документе говорилось: «Ваше Императорское Величество! Обширный Урал долгие годы не имел рассадника высшего образования. Только в царствование Вашего Императорского Величества... Урал обогащается двумя высшими школами: университетом в Перми и, что особенно важно для горнозаводского прогресса Урала, Горным институтом в городе Екатеринбурге. Таким образом, высшее образование Уральского края исторически естественно навеки связано с Вашим Державным Именем. Глубоко чувствуя это, Строительная комиссия... приемлет смелость верноподданнейше просить Вас, Государь, принять вновь создаваемый в городе Екатеринбурге Горный институт под свое Высочайшее покровительство и всемилостивейше повелевать соизволить наименовать его впредь Уральским горным институтом Императора Николая II. Находясь в центре горнозаводской жизни, окруженный землями, таящими богатейшие и разнообразнейшие полезные ископаемые, Горный институт Вашего Августейшего Имени, несомненно должен достигнуть быстрого развития и высокого научного процветания».

Ответ пришел 5 января следующего 1917 г. Император даровал институту право называться его именем. Дипломатичный обмен посланиями прошел ко взаимной пользе обеих сторон. Уральцы получили пока моральную поддержку и виды на более внимательное отношение со стороны чиновников к нуждам института. Царь же, даруя свое имя уральскому вузу, вероятно, считал, что таким поступком он укрепляет верноподданнические чувства в народе и проявляет о нем заботу. Это не ирония. Многие члены царской семьи самым серьезным образом занимались благотворительной деятельностью. Достаточно напомнить хотя бы имя Великого князя Михаила Николаевича, под патронатом которого процветало Уральское общество любителей естествознания.

Но воспользоваться монаршей милостью уральцам не удалось. В результате Февральской революции Николай II, дабы не усугублять и без того тяжелое положение в стране, 2 марта отрекся от престола. Но на этом история не закончилась. Судьбе было угодно, чтобы Николай II побывал в городе, институту которого он даровал свое имя. В «теплый чудный день» 17 апреля 1918 г. бывший самодержец был привезен из Тобольска в Екатеринбург к новому и последнему месту заключения. Здесь он провел с семьей три месяца до трагического конца.

После первой неудачной попытки Горный почти 30 лет оставался безымянным. Даже в 30-е и 40-е годы, когда имена всевозможных вождей не носили только кочки на болотах, института это не коснулось. Наконец, после войны в 1947 г. институту присвоили имя В. В. Вахрушева, наркома угольной промышленности восточных районов страны. Выбор этот нельзя отнести к разряду лучших. Он носил еще более конъюнктурный и менее искренний характер, чем первый раз в 1916 г. Вахрушев был незаурядным человеком, несомненно его заслуги перед государством. Но он не имел никакого отношения ни к горной науке, ни к высшему горному образованию, хотя бы потому, что у него не было никакого, даже начального горного образования. Начав с низовой партийной работы, он вырос до члена ЦК и работал там, куда его направляла партия. В 1939 г. он возглавил угольную промышленность страны (с одинаковой вероятностью он мог оказаться и во главе любой другой отрасли). Занимаясь, по должности, развитием горнотехнического образования, он вряд ли отдавал предпочтение тому или иному из горных институтов. Но если бы даже и отдавал, то это еще не основание для того, чтобы присваивать «избранному» вузу имя наркома. В многовековой истории уральской горнозаводской промышленности и горной науки есть немало славных имен, достойных увековечивания в названии института.

Уральский Горный открывает двери

К весне 1917 года стало ясно, что гигантская работа, проведенная Строительной комиссией под руководством Веймарна, достаточна для открытия института, и в августе Временное правительство сочло возможным объявить в него прием.

Несмотря на трудное военное время, желающих учиться в Уральском горном институте (УГИ) оказалось много. В Совет института поступило 610 прошений от выпускников классических и женских гимназий, реальных, коммерческих и технических училищ, кадетских корпусов, духовных семинарий, учительских институтов и различных высших учебных заведений. На первый курс зачислили 306 человек. Часть из них была принята без испытательных экзаменов, что отражало одну из привлекательнейших черт старой высшей школы — ее автономность.

Вопрос решался по-житейски просто: в Совет института обратилась большая группа екатеринбургской молодежи (среди них был известный впоследствии уральский минералог, старший научный сотрудник горного института Александр Николаевич Игумнов) с просьбой зачислить их в институт без испытаний. Мотивировалось это неимением средств, необходимых для оплаты подготовки к экзаменам. Просьбу молодых людей поддержала городская дума, и Совет института счел возможным ее удовлетворить,

Академический персонал УГИ отличался от штатов, предусмотренных законом. Он на первых порах состоял из 17 профессоров и исполняющих дела профессоров, 4 доцентов и стольких же приват-доцентов. Это были европейски образованные, культурные и высококвалифицированные специалисты, выпускники Петербургского горного института и различных университетов. Некоторые из них являлись докторами зарубежных университетов-Женевского, Эдинбургского, Геттингенского. 25 августа состоялось первое заседание Совета института. Хотя список профессорско-преподавательского состава был утвержден Временным правительством, Совет вновь провел избрание ректора, профессоров и преподавателей и принял необходимые решения по вопросам ведения преподавания.

В УГИ предусматривался четырехлетний курс обучения, на первое время предполагалось открыть 14 кафедр: математики; физики, химии, прикладной геологии, теоретической и прикладной механики, электротехники, металлургии и ряд других.

Итак, как будто бы все готово: есть ректор, преподаватели, студенты-можно начинать. 9 октября в 11 часов утра в верхнем читальном зале публичной библиотеки имени В. Г. Белинского (теперь детская библиотека имени Ф. М. Решетникова) состоялось заседание Совета и Строительной комиссии Уральского горного института, на котором было торжественно провозглашено открытие первого уральского высшего технического учебного заведения.

Минуты радости и грусти. Дописывались последние строки многотрудной и многолетней истории создания Горного, складывала полномочия Строительная комиссия, вступал в свои права Совет вуза. Вероятно у многих, сидящих в зале, взоры туманились слезами умиления и гордости, а сердца переполнялись отеческими чувствами и тревогой — новорожденный встал на ноги и сделал первый шаг, но что еще ждет его впереди. Открывалась новая страница в истории института. С вниманием публика прослушала академические доклады: П. П. Веймарна — «О рациональной постановке образования в целях поднятия творческой энергии страны», Н. В. Галли — «О новейших взглядах на строение вещества», А. А. Бернардацци — «О проекте здания горного института». Все это было так необычно: свой институт, свои профессора.

Потом начались приветственные речи, празднично-взволнованная суэта, присущая такому событию. Оно широко освещалось в местных газетах. «Уральская жизнь» отдала под материал об открытии института всю первую полосу. Приведем выдержку из одной статьи, пожалуй, наиболее эмоциональной. Автор писал: «Теперь „все тормоза, все препятствия к просвещению, к духовному возрождению народа наконец окончены и ушли в область тяжелого кошмарного предания... Широкие пути в свободной демократической России открываются перед ним (перед институтом-В. Ф.). В этом отношении ему должны позавидовать старшие братья: высшие учебные заведения, которые возникли и жили в тяжелой, удушливой атмосфере гнета над мыслью, над человеческой личностью». Завершим эту цитату маленьким комментарием из двух известных сентенций: „Блажен, кто верует“ и „Все познается в сравнении“.

На следующий день, 10 октября, в том же читальном зале в 9 часов утра было совершено молебствие, а в 10 часов началось чтение первой лекции. Будни академической жизни проходили в более скромной обстановке. За неимением пока собственного здания, занятия шли в различных

помещениях, арендовавшихся у города: золотоплавочной лаборатории, Вознесенской школе, мужской гимназии и других.

Душой и мозгом Уральского горного несомненно был его ректор. Гениальный ученый, новатор в науке, он заявил себя и как талантливый педагог, как автор очень оригинальной системы обучения, основанной на нетривиальных гипотетических посылах.

В Петербурге научно-педагогическая деятельность Веймарна протекала в среде многих выдающихся учеников Дмитрия Ивановича Менделеева. От них он перенял менделеевские идеи о том, что процветание страны в значительной мере зависит от уровня развития творческих сил народа и его просвещенности. Занимаясь преподаванием, Петр Петрович критически отнесся к сложившейся системе образования и задался целью создать свою, более эффективную методику преподавания. Но строить он ее стал не как гуманитарий, а как естествоиспытатель. Счастливым обстоятельством здесь было то, что Веймарн имел тесные творческие связи с Вильгельмом Оствальдом.

В. Оствальд-автор „энергетической“ теории, рассматривал энергию как единственную реальность. Из этой теории, в частности, следовало, что вся совокупность психических процессов человека управляется отдельным видом энергии — психической энергией, которая как любая другая энергия должна подчиняться соответствующим физическим законам.

Энергетические представления Оствальда и законы, которыми описывается поведение энергии, Веймарн положил в основу своей системы обучения. Впервые с этими идеями он выступил на заседании Русского Технического Общества в 1915 г., потом повторил их в докладе на открытии института, а в мае 1919 г. опубликовал в литературном, публицистическом и научном сборнике „Молодая Русь“.

С нашими комментариями и дополнениями суть педагогических новаций Веймарна сводилась к следующему.

Психическую энергию Веймарн делил на общую, полезную и побочную. Накопление знаний и творческая деятельность осуществляются за счет полезной энергии. Естественно, что большая часть знаний накапливается человеком во время обучения в школе и институте, а творческие процессы происходят, главным образом, после завершения образования.

Жизнь многих великих ученых показывает, что пик их творческой активности находится между 20 и 35 годами, чаще всего между 25 и 28 годами. Так, например, А. Эйнштейн сформулировал специальную теорию относительности в 26 лет; В. Гейзенберг предложил принцип неопределенности тоже в 26 лет; П. Дирак высказал гипотезу об античастицах в 29 лет; В. Паули выдвинул идею о нейтрине в 30 лет;

Л. де Бройль опубликовал работы о корпускулярно-волновом дуализме природы в 31 год и т.д. Поэтому оптимальная продолжительность среднего и высшего образования в совокупности не должна, по мнению Веймарна, превышать 10 лет. Из них 6 лет необходимо посвятить школе и 4 года вузу и заканчивать, таким образом, образование в 19-20 лет.

В каком соотношении должны находиться энергия, затрачиваемая на накопление знаний и на творчество? Английский физик и химик, нобелевский лауреат У. Рамзай по этому поводу говорил, что слишком большие знания являются препоной для творчества. Действительность убеждает, что ученые энциклопедического толка очень мало или совсем не способны к творчеству. Поэтому, делает вывод Веймарн, в школах с рациональной системой образования необходимо соблюдать мудрый предел знаний. Только в этом случае продуктивность творческой деятельности будет достигать максимального для данного учащегося уровня. Мозг людей, до предела насыщенный знаниями, особенно догматическими, с трудом может совершать творческую работу.

Преподавание, по мнению Веймарна, должно заключаться не в детальном сообщении мельчайших подробностей опытов, не в запоминании сложных формул и выводов, а в изложении общих идей и принципов, в объяснении основных доказательств, в выявлении связей между величинами, входящими в формулы.

Надо излагать обобщающие точки зрения, не замалчивать научных разногласий и посвящать учащихся в состояние спорных вопросов и проблем. Детали же они могут самостоятельно почерпнуть в учебниках, статьях и справочниках.

Развивая энергетические представления, Веймарн замечает, что каждый человек может быть уподоблен трансформатору, преобразующему нетворческие виды энергии в творческие. Поэтому задача школы и педагогов-способствовать тому, чтобы коэффициент полезного действия такого трансформатора становился максимальным. Конечно, нельзя требовать, чтобы школа производила гениев, но она не должна и давить талантливые натуры.

Характеризуя русскую высшую школу, Веймарн отмечает, что в ней, к сожалению, нарушаются все законы энергетики восприятия и творчества. Человек со средними способностями, с громадными затратами энергии едва успевает ее закончить за пять лет. Для сдачи экзаменов он запоминает сложные доказательства и формулы, которые счастливо забывает через несколько дней. Так понижаются трансформационные функции мозга. Только очень одаренные люди с резко выраженной индивидуальностью могут благополучно выйти из такой ситуации, не потеряв после окончания вуза оригинальности мышления, и стать настоящими творцами.

Существует ли психическая энергия или нет, пока неизвестно. Но несмотря на это, рекомендации Веймарна о методах подготовки квалифицированных специалистов очень разумны и не девальвировали до сих пор. Интересно другое: как же эти рекомендации были воплощены в жизнь.

«... о некоторых особенностях Уральского горного института, как в постановке преподавания, так и в конструкции его академической коллегии» оставил воспоминания ректор.

Студенческая вольница, которой чужды любые ограничительные рамки, приказы и распоряжения, явление интернациональное и вневременное. Семьдесят лет назад, как и сейчас, студентов непросто было удержать в аудиториях. Но Уральский горный попал в приятное исключение. Посещаемость занятий в нем была выше, чем в столичном горном. В чем же дело? Оказывается, в системе организации учебного процесса.

Предоставим слово ректору. Он писал: «Малая посещаемость лекций в старых Высших Школах, помимо других причин, вызвана несомненно слишком большим числом лекций, читаемых в один день.

В Уральском горном институте число лекций в день уменьшено до трех, причем, в подавляющем большинстве случаев, две лекции посвящаются одному и тому же предмету.

При этих условиях лицо, способное вообще к усвоению по лекциям, не может переутомить своего внимания и в его голове не может получиться той мозаики из данных разнообразных научных дисциплин, которая получалась при 4-5 лекциях по разным предметам.

В Уральском горном институте центр тяжести преподавания из аудиторий перенесен в лаборатории.

Рабочий день студента начинался с, 9 ч. утра, причем от 9 до 12 читаются лекции, затем до 2-х часов перерыв на обед, и с 2 до 6 ч. вечера идут практические занятия.

В институте проведена и проводится строгая согласованность программ, и Советом института приняты все меры, чтобы достигнуть мудрого минимума знаний, действительно необходимого и не подавляющего творческих способностей учащихся.

Советом института затрачено немало времени и труда на проведение в жизнь Высшей Школы тех принципов, которые вытекают из энергетики восприятия и творчества.

Надо отметить, что почти все мероприятия вышеприведенного характера принимались Советом института единогласно.

Я нисколько не сомневаюсь, что в дальнейшей своей эволюции преподавание в Высшей Школе дойдет до того, что вместо лекций по естественно-научным дисциплинам будут только вести соответственно поставленные групповые практические занятия, сопровождаемые собеседованием профессоров со студентами по тому отделу преподаваемой научной дисциплины, который иллюстрируется производимыми группой экспериментами».

Восхищает последнее замечание Веймарна, пророческое по духу. Он очень точно оценил тенденции в развитии высшего образования. Именно к такой системе преподавания в настоящее время подошла наша высшая школа.

Эффективная система преподавания — это только полдела. Говорят:

Одна мучка, да не одни ручки. Даже самая современная методика преподавания может принести больше вреда, чем пользы, если ее реализацией займутся неподготовленные и равнодушные педагоги. Хорошо, когда они талантливы и инициативны. И, наконец, прекрасно, если студенческая среда активна и заинтересована в том, чтобы разделить замыслы ректора и преподавателей. Именно такую обстановку удалось создать в УГИ Веймарну. Вот этому свидетельство. 20 ноября 1918 года в институте торжественно отмечали десятилетие профессорской деятельности Петра Петровича. В адресе, преподнесенном студентами, говорилось: «В качестве ректора института Вы сумели с самых первых дней учебных занятий уничтожить преграду, всегда отделявшую профессоров от студентов, и создать единую семью, руководимую общим желанием, вооружившись знаниями, принести посильную помощь измученной Родине.

Внимательным отношением к запросам и нуждам студентов и защитой их интересов Вы заслужили уважение окружающих и нашу любовь».

Студенты были не единственными, кто выражал Веймарну свою любовь и признательность. Вот еще одно свидетельство тому. В августе 1916 г. он был назначен правительством по телеграфу Уральским уполномоченным по топливу и оставался на этом тяжелом и ответственном посту до апреля следующего года. Его уход вызвал у служащих управления «чувство искреннего душевного сожаления». В адресе, преподнесенном Петру Петровичу, они с благодарностью писали о его тактичности, простоте, доступности, полном игнорировании им всяких национальных, сословных и вероисповедальных различий, горевали о том, что лишились гуманного руководства.

Очень мудро и тонко Веймарн решил и такой деликатный и болезненный вопрос, как оплата труда преподавателей.

«Что касается конструкции академической коллегии Уральского горного института, - писал он, - то она создавалась с целью устранить громоздкость старых конструкций и заключающуюся в них неправильность самого принципа оплаты труда деятелей Высших Школ, неправильность, которая вызывает внутренние трения в академической среде, весьма вредно сказывающиеся как на научной, так и на педагогической деятельности ученых корпораций .

Ведь для всякого нормально развитого человека совершенно ясно, что представляется полной несообразностью и явной несправедливостью лицам с вполне одинаковым учебным цензом и научными достижениями присваивать различные наименования и права и различно оплачивать их труд.

Это вызывает справедливое неудовольствие и вносит рознь в академическую корпорацию.

Поэтому целесообразно установить лишь три категории преподавателей Высшей Школы: 1) профессора, 2) доценты и 3) приват-доценты.

Приват-доценты избираются из числа лиц, получивших высшее образование и желающих посвятить себя работе в Высшей Школе, но еще не выявивших своих способностей в научной деятельности (в современной Высшей Школе званию приват-доцента соответствует звание ассистента — В. Ф.).

Доценты — из лиц уже проявивших себя на научном и педагогическом поприще, но не имеющих еще таких научных работ, которые могли бы служить диссертацией на звание профессора.

Профессора — из лиц, защитивших диссертацию.

Исполнение обязанностей профессоров может быть возлагаемо на наиболее подготовленных к этому доцентов, но на срок не более трех лет, при условии в течение этого срока защитить диссертацию; в противном случае доцент должен оставить исполнение должности профессора...

Далее, так как научный труд является отличительным признаком преподавателей Высшей Школы от преподавателей школ низшей ступени, то само собой понятно, что особо выдающаяся научная деятельность должна особо высоко цениться и оплачиваться в культурном государстве.

Поэтому не выслуга лет является главным фактором при оценке деятельности профессора, а качество его научной деятельности.

Основываясь на этом бесспорном положении, Совет Уральского горного института считает, что заслуженным профессором, по существу, является не тот, кто прослужил на одном месте 25 лет, но тот, кто проявил особо выдающуюся научную деятельность, кто пользуется почетной научной известностью, чьи работы отмечены почетными наградами Ученых Обществ и Учреждений. Сообразно с этим, Совет единогласно постановил влить новое содержание в старое звание заслуженного профессора и присвоить таким профессорам повышенный оклад, по меньшей мере, на 50 % больший обычного профессорского оклада.

Всякое культурное государство должно особо высоко ценить своих выдающихся ученых и особенно высоко оплачивать их труд.

Если никого не удивляют колоссальные оклады, выплачиваемые талантливым и гениальным представителям искусства, то совершенно на тех же основаниях не должно удивлять, если таковым же представителям науки будет особо высоко оплачиваться их замечательная работа на пользу человечества.

Вышеизложенная конструкция была принята Советом Уральского горного института единогласно и проведена в жизнь».

Из организации академической коллегии УГИ вновь видно, какими широкими правами и полномочиями обладал ректор и Совет института. Освобожденные от опеки и жесткой регламентации, они имели возможность без волокиты вносить любые разумные изменения в различные стороны институтской жизни, руководствуясь при этом не идеологическими соображениями, а профессиональной этикой и пользой дела. Будучи свободными в принятии множества решений, преподаватели, что особенно важно, воспитывали и в студентах чувство собственного достоинства, внутренней свободы, раскрепощенности и самостоятельности, т. е. те качества, которые, по мнению Веймарна, так благоприятствуют продуктивной учебе.

По сравнению с уже сложившимися вузами, УГИ по своему оборудованию был беден. «Но, — как отмечал Веймарн, — несмотря на эту скромность..., в лабораториях Уральского горного института не только усердно учились студенты, но и научно работал академический персонал».

Вскоре были созданы лаборатории неорганической (и.д. проф. Н. И. Морозов) и аналитической (и. д. проф. К. Д. Луговкин) химии, физики (и. д. проф. Н. В. Галли и доц. А. М. Титов), музей цикла геолого-минералогических наук (и.д. профессоров М. К. Елиашевич, —М. О. Клер, К. К. Матвеев и доц. М. А. Павлов), геодезический кабинет (и. д. проф. Н. Г. Келль) и уже упоминавшаяся библиотека.

Преподаватели готовили к печати курсы своих лекций, диссертации и статьи. Так, профессор С. Н. Петров составил курс по начертательной геометрии, в котором специально рассмотрел вопросы приложения геометрических методов для кристаллографических исследований; написал и издал диссертацию и. д. проф. Я. А. Шохат, и студенческой организацией УГИ был опубликован его курс лекций по высшей математике; подготовил к изданию диссертацию и. д. проф. Е. И. Любарский об изучении органического ила озера Шувакиш. В общем, по словам Веймарна, «весь академический персонал работал настолько продуктивно, насколько это позволяла индивидуальная сила воли каждого».

Важнейшим элементом нормальной научной работы является своевременная публикация результатов исследований. В УГИ этому придавали огромное значение, составив обширный перспективный план издательской деятельности. Инициатива и здесь главным образом исходила от Веймарна. И вновь Петр Петрович отличился: аргументированной, глубоко и детально продуманной, широкой по замыслу, проникнутой заботой о сохранении престижа русской науки, о распространении ее достижений за границей — такой была программа институтского издательства.

Излагая свои соображения о проблеме издания научных журналов вообще, Веймарн писал: "... пожалуй, ни в какой группе людей, объединенных общими целями, не чувствуется так сильно потребности самого тесного сближения, потребности создания общего интернационального языка, как в группе людей, спаянных исканием научной правды.

На этом-то интернациональном языке и должны бы печататься всюду научные журналы, и на нем должен бы происходить обмен мнений между членами одной семьи — семьи ученых всех стран и народов.

К сожалению, до сих пор (эти воспоминания написаны в 1919 г.- ред.)... между учеными различных национальностей не достигнуто по рассматриваемому вопросу никакого реального соглашения и по-прежнему затрачивается непроизводительное много материальных средств на. опубликование одного и того же на различных языках, по-прежнему, нередко, научные исследования, опубликованные на мало доступных языках, теряются для науки и когда, спустя много лет, эти исследования «открываются» по случаю опубликования такой же работы в другой стране, то про них пишут: «к сожалению, эти выдающиеся открытия не оказали никакого влияния на развитие науки».

Нельзя только утешаться мыслью, что в ходе развития культуры человечества, наконец, настанет такой момент, когда многоязычие уже не будет тормозить объединение людей и их дальнейшего дружного поступательного движения, — но надо и теперь принимать меры, чтобы работы национальностей, язык которых мало доступен для большинства культурных народов, не теряли бы своего значения для развития общечеловеческой науки и делались бы известными своевременно".

Чувствуя себя частичкой всемирного сообщества людей и сознавая ответственность за развитие культуры и науки, Веймарн оставался русским человеком. Поэтому особой его заботой был экспорт научной продукции отечественных ученых за границу. «Мы, русские, — писал он, — язык которых весьма мало известен иностранным нашим коллегам, очень мало делали для немедленного ознакомления научного мира с нашими работами, довольствуясь... краткими, неясными и запоздалыми публикациями реферативного характера». И приводит пример практических японцев, которые печатают работы своих ученых на английском или немецком языках «в прекрасно и с технической стороны издаваемых журналах». Такой же путь Веймарн предлагает и для русских научных обществ: "... опубликование в русских научных журналах статей на русском и на одном

из иностранных языков не только исчерпывающе решило бы интересующую нас проблему, но и сделало бы русские научные журналы значительно более распространенными за границей, причем часть средств, затрачиваемых на переводы, возвращалась бы путем бесплатного получения многочисленных иностранных журналов, которые в настоящее время приходится выписывать за плату".

Отчетливо сознавая, что такая издательская деятельность полностью не под силу маломощным русским научным обществам, он уповает на помощь государства, "... для которого не должна быть безразлична степень участия в общей культурной работе человечества своих граждан".

Оптимист по натуре, Веймарн восклицал: «Да будет позволено мне, отдавшему науке почти все свои силы..., высказать твердое убеждение, что скоро настанет время, когда русские ученые будут поставлены государством в такие условия опубликования своих научных трудов, при которых исторически сложившаяся малая доступность русского языка для иностранных ученых не будет уже влиять на степень непосредственного участия русских в общечеловеческой науке».

В отличие от других его прогнозов, этот, к великому сожалению, не сбывлся. И доступность русского языка для иностранных ученых сейчас, как и семьдесят лет назад, остается все такой же малой. Из 700 научно-технических журналов, издаваемых в СССР (в США, для сравнения, издается около 9000 журналов), реферируется и переводится на иностранные языки только около 10% (о качестве полиграфии мы и не говорим). '

«Переходя к более частному вопросу,- продолжает Веймарн,- к вопросу о научных журналах, издаваемых Высшими Школами,- необходимо прежде всего отметить, что эти журналы, кроме функций чисто научного журнала, имеют и некоторые другие функции. А именно широкую пропаганду и популяризацию достижений науки и техники среди широких слоев населения». Сейчас эту функцию выполняют специальные научно-популярные издания. В то же время в России подобных журналов не было. Поэтому в УГИ решили, что будут издавать не только научный журнал, но также оригинальные учебники с освещением в них состояния преподаваемых в институте дисциплин и научно-популярный журнал. Наибольшие трудности вызвало (и до сих пор вызывает во всем мире) издание популярного журнала. Поскольку не каждый, даже талантливый исследователь, может ярко, увлекательно, доступно не искажая суть научной проблемы, рассказать о ней. В истории науки немного найдется ученых, которые бы счастливо сочетали дар исследователя и дар писателя. «Поэтому,- отмечал Веймарн,- издание такого научно-популярного журнала возможно только в Высших школах с достаточно многочисленным и хорошо научно и педагогически работающим кадром преподавателей». Если в УГИ брались издавать такой журнал, значит, академический персонал обладал соответствующим «кадром».

В первые же месяцы 1917 г. был намечен план издательской деятельности. Он включал издание обширных научных трудов монографического характера и оригинальных учебников, написанных членами Совета института. Эти издания объединялись рубрикой «Научные труды Уральского горного института». На заседании Совета 12 сентября решили, что будущая череда трудов откроется книгой Веймарна «Дисперсоидологические исследования». Кроме научных трудов, постановили издавать научный журнал «Известия Уральского горного института». Но из обширного замысла удалось реализовать немногое. Был издан только первый том «Известий», да и то не в Екатеринбурге, а во Владивостоке. Почему так далеко от Урала? Об этом будет особый рассказ. А пока поведаем о том, что представлял собой первый печатный труд первого уральского вуза.

В журнале четыре отдела. Первый посвящен результатам теоретических и экспериментальных исследований преподавателей института. Открывается он интереснейшими «Очерками по энергетике культуры» Веймарна. Во втором-даны краткие научные заметки. Третий-посвящен обзорам по отдельным проблемам, рефератам статей, опубликованных в других журналах, и отзывам о новых книгах. Четвертый отдел специально составлен «для будущего историка института», в нем подробно изложена хроника институтской жизни в первые годы его существования. Материал этого отдела бесценен и уникален, образно говоря, он напоминает отпечаток граптолита в угольном пласте или медово-золотистый кусочек янтаря с застывшей в нем стрекозой.

Полиграфическое качество «Известий» сделало бы честь многим современным журналам, хотя редактор Веймарн 'и извиняется перед читателями за целый ряд недочетов, оправдывая их трудностями военного времени и эвакуацией института. Тираж первого тома составил 1000 экземпляров, кроме этого, третий и четвертый отделы были изданы отдельно тиражом в 500 экземпляров.

После такого длинного отступления продолжим хронику институтской жизни.

Через две недели после открытия института совершилась Октябрьская революция — событие, приведшее к коренному изменению власти, переоценке духовных ценностей и идеалов, превратившее на долгие десятилетия многоцветный и полифонический мир человеческих отношений в упрощенный, двухцветный: «красный — белый», «друг — враг», «наш — не наш», «революционер — контрреволюционер». Для многих такое насильственное, искусственное деление стало трагедией, усугубляющейся тем, что по отношению к отдельному человеку эта двухпозиционная классификация была очень зыбкой и неустойчивой, и «ветренник-случай» легко мог перебросить человека из одной позиции в другую.

История сохранила много воспоминаний людей, совершавших революцию, готовивших ее, долгие годы живших ожиданием этого события. И почти нет свидетельств людей, далеких от политики, революционной борьбы, не состоявших ни в каких политических партиях. Что чувствовали они перед громадой надвигавшихся преобразований жизни, ломавших ее тысячелетний уклад? К ним, в частности, принадлежали многие преподаватели и студенты Горного.

Документы свидетельствуют, что отношение академической коллегии УГИ к новой власти не было ни восторженным, ни агрессивным. Оно носило сдержанный, корректный и лояльный характер. Институт приглядывался к власти, пытаясь определить ее нрав. Власть же, занятая своими проблемами, на первых порах тоже не обнаруживала своего отношения к институту. 30 января 1918 г. редактор на заседании Совета профессоров сообщил, что «общеинститутское собрание вынесло резолюцию, в которой деловые отношения с Советской властью признаны возможными». Большинство членов Совета, желая внести ясность во взаимоотношения с властью, четко определили свою позицию, которая заключалась в том, что «высшая школа стоит вне политики!» и допускали возможность «вступить в сношения с Советской властью при условии сохранения полной автономии института».

Отстаивая автономию, профессора УГИ, вероятно, считали, что она возможна. Но это была чистейшая иллюзия. Сразу же после революции началась широкомасштабная политизация и идеологизация всех сторон общества, позже она даже вторглась в личную жизнь человека. Придя к власти, большевики закрыли все оппозиционные газеты и запретили деятельность всех партий, не соглашавшихся с ними. 6 января 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. К 1922 г. в изгнании оказалось большинство лидеров партий, внесших огромный вклад в свержение царизма. Началась борьба с инакомыслием и малочисленной для такой страны, как Россия, интеллигенцией. В январе 1918 г. в Москве был закрыт Народный университет Шанявского, а в августе 1922 г. из страны насильственно выслали около 200 виднейших общественных деятелей, ученых, философов. В. Г. Короленко в письме к Д. В. Луначарскому определял это как «опыт введения социализма посредством подавления свобод». Не случайно в том же 1922 г. Р. Роллан

Процесс формирования советского аппарата в Екатеринбурге завершился в основном к февралю. Вышел из компартии-Франции. Что же касается школы вообще и высшей, в частности, то В. И. Ленин писал, «что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие».

Таковы были реалии новой жизни, с ними надо было считаться, принимать их и приспособливаться к ним. К внешним трудностям добавлялись свои, внутренние. Не было уже единства в Совете, горячие головы ставили вопрос о доверии Веймарну, но у большинства это предложение не нашло поддержки.

В течение 1918 г. происходило дальнейшее развитие института, были разработаны учебные планы на семестры, положение о факультетах. Их было создано пять: рудничный, геологоразведочный, механико-металлургический, химико-металлургический и инженерно-лесной. В организации учебной и научной работы им предоставлялись широкие полномочия. Факультеты делились на отделения и группы, сообразно характеру специальности, а предметы — на циклы.

Сторонясь политики, преподаватели УГИ не отгораживались от общественной жизни Екатеринбурга, активно занимались разработкой хозяйственных проблем Урала. В апреле они приняли приглашение Правления союза профессиональных и технических организаций Урала на участие в совещании по разработке проекта Урало-Кузнецкого металлургического комплекса, направив на него своих делегатов — Н. Г. Келля и Д. В. Кутырина. В июне 1918 г. представители работали на городском совещании по созданию технических курсов для рабочих горной промышленности. УГИ обязался разработать необходимые программы и прочесть соответствующие лекции по физике, химии, механике в рабочих клубах. Более того, преподаватели выезжали с лекциями на рудники и горные предприятия. Нельзя не упомянуть и о работе ученых института в комиссии по охране культурных ценностей. И при всем том, в «Известиях» рабочих и солдатских депутатов публиковались материалы о контрреволюционности института.

Конец первого учебного года ознаменовался сменой власти, четвертой в короткой истории Горного. 25 июля Екатеринбург захватили войска мятежного чехословацкого корпуса под

командованием генерала Р. Гайды. 13 августа было образовано областное Уральское правительство, представлявшее собой союз кадетов с меньшевиками и эсерами. Отменялись декреты Советской власти и устанавливались дореволюционные порядки. И хотя «новая» власть была как будто знакомой, но и ей надо было засвидетельствовать свою лояльность. В августе делегация УГИ в составе П. П. Веймарна, Н. В. Галли, К. Д. Луговкина и М. К. Елиашевича присутствовала на чествовании чехословаков и войск Сибирского правительства. 3 октября Совет института всем составом был на встрече членов Временного Всероссийского правительства. В ответ на обращение Культурно-Экономического Союза Сибирского правительства о пожертвованиях Совет профессоров 4 ноября принял решение «отчислять во все время военных действий... 8 процентов с месячного оклада преподавательского состава института,... чтобы отчисленные... средства шли на лазареты».

Эти факты впоследствии легли в основу обвинений института и ректора в контрреволюционности, во враждебном отношении к Советской власти. На самом же деле все обстояло иначе. Смена власти для УГИ была равносильна переходу «из огня, да в полымя». Сибирское правительство не способствовало процветанию Горного. Достаточно напомнить о реквизировании недостроенного главного здания института под постой войск и склады. Мудрость ректора и многих членов ведомого им Совета заключалась не в том, чтобы побыстрее спрятать голову под крылышко той или иной власти, а в том, чтобы подняться над кипящими страстями и сохранить институт. Власть — временная категория, уходит одна, на ее место приходит другая. Вечна же Россия и русский народ, для процветания которых создавался Уральский горный институт.

Будь у Веймарна хоть небольшие, хоть символические политические симпатии и антипатии, он не сумел бы сохранить институт. Та или другая из противоборствующих сил обязательно перетянули бы его на свою сторону, и это стало бы гибельным для Горного.

Веймарн, как истинный патриот и интеллигент, служил не власти и ее прихотям, а своей великой родине и народу. К этому он призывал и своих коллег, и студентов. Ярчайшее свидетельство тому — речь, с которой он выступил 5 ноября 1918 г. перед началом второго учебного года. Как все в высшей степени разумное, слово Веймарна, сказанное более семидесяти лет назад, и сейчас звучит удивительно актуально. Вдумайтесь в то, о чем он говорил в разгар гражданской войны. «В ужасное, небывало тяжелое, время пришлось первой Высшей Школе Урала начать свое существование, но, несмотря на все невзгоды, молодой институт ни на один день не прерывал своей работы и нормально закончил свой учебный год.

Такая прочность Уральского Горного Института обусловлена тем, что в нем преподавательская коллегия и студенчество представляют одну дружную семью.

Совет Уральского Горного Института первыми же своими постановлениями уничтожил те перегородки, которые существовали в старой Высшей Школе между профессорами и преподавателями и между преподавательской коллегией и студенчеством, — перегородки, которые мешали слиться всем трем элементам Высшей Школы в тесную и крепкую семью.

Совет Института, в течение протекшего года, приложил немало труда для устранения язвы старой Высшей Школы — многопредметности и несогласованности программ, разработав рациональный план преподавания, не давивший индивидуальных способностей и дающий широкий простор проявления творческих сил учащихся.

... наступает второй (учебный год — В. Ф.), быть может, не менее трудный, чем первый, ... мы и теперь переживаем ужасно тяжелое время.

Интеллигенция, разбитая на разные партии, до сих пор не может найти цемента, который спаял бы ее в мощную культурную силу.

Вам должно быть понятно, что помимо физического освобождения от врагов, нам не менее важно освобождение от препятствий нашего духовного развития.

Образование, образование и образование — вот девиз, около которого должны сплотиться все интеллигентные силы страны.

Образование снизу доверху, ибо, если хотят видеть Россию, не поработленную в культурном отношении соседями, необходимо развитие высшего образования несколько не менее, чем среднего и низшего.

Нередко приходится слышать, что на образование нет средств, что все деньги пожирает война.

Но, повторяю еще раз, если хотят видеть Россию не только внешне физически свободной, но и культурно-свободной, то средства и большие средства должны быть немедленно даны на образование .

Нет сомнения, что только культурный народ может быть действительно свободным.

Работайте изо всех сил и будьте уверены, что своей культурной работой Вы куете настоящую свободу России.

Поднимая культуру своей родины, вы поднимаете и общую культуру всего человечества и приближаете истинное братство народов, которое, конечно, недостижимо путем насилия, как думают некоторые, и может явиться только результатом высшей человеческой культуры.

К культурной работе я призываю Вас и еще раз приветствую».

Речь Веймарна слушали одни первокурсники, занятия на втором курсе начались только 10 декабря. Война сильно породила студенчество. Часть из них, составлявших так называемый лево-социалистический кружок, ушла вместе с Н. П. Гориным и Н. Н. Барабошкиным в Красную Армию. Кружок возник еще в конце 1917 г., он был пестрым по составу, в него входили студенты разных политических ориентации:

большевистских, левоэсеровских, анархистских. Развернуть работу как следует им не удалось. После освобождения Екатеринбурга от колчаковцев члены кружка вернулись в институт и, когда создавалась партиячейка, были утверждены членами РКП (б). Весной 1919 г. Сибирское правительство провело широкую мобилизацию и более половины студентов УГИ оказались в армии, воюя, возможно, против своих же однокашников.

Очевидец событий того далекого времени, одна из первых студенток выпускниц Горного, Н. И. Кудрина вспоминала позже: «Летом 1918 г. мы переживали крайне тяжелое время — город был занят Колчаком. Так что никакие занятия, несомненно, не шли на ум. Зиму 1918/1919 гг. занятия шли чрезвычайно ненормально. Прежде всего, студентов старого приема, почти не осталось. Так что первый курс снова работал, а второй курс с трудом был организован из нескольких человек студентов... Читались предметы, по которым были преподаватели».

Крутой перелом

Весной 1919 г. началось наступление Красной Армии по всему Восточному фронту. К маю стало ясно, что Екатеринбург колчаковцам не удержать. Встал вопрос о судьбе института. 8 июля Совет обсуждал возможность эвакуации УГИ. Для уточнения деталей этого мероприятия Веймарн уехал в Омск, оставив и.д. ректора К. К. Матвеева. Константин Константинович был противником эвакуации, препятствовал ей, ссылаясь на отсутствие официального распоряжения властей, нехватку вагонов и прочее. Но Совет, большинством членов, взял на себя ответственность «за все решения и меры, связанные с эвакуацией. Началась упаковка материальных ценностей, остающимся в Екатеринбурге студентам канцелярия выдавала академические справки.

Эвакуация была назначена на 12 июля. Предполагалось вывести институтское имущество в 8 вагонах со станции Екатеринбург III по Северо-Восточной железной дороге до Тавды. В Тавде начальник дороги обещал предоставить заранее зафрахтованный пароход, на котором планировалось следовать дальше по Тоболу до Иртыша, а затем вверх по Иртышу до Омска. Погрузку намечали начать в 3 часа дня и закончить в 10 вечера. Но стремительное наступление красных частей спутало все эвакуационные планы. Накануне, 11 июля, К. К. Матвеев отдал распоряжение о подготовке 30 подвод для перевозки на станцию оборудования, канцелярии и багажа семей преподавателей. Но утром 12 выяснилось, что в городе свободных подвод нет, все реквизированы военными. С большими трудностями в ночь с субботы 12 на воскресенье 13 июля все же удалось погрузить в эшелон часть небогатого институтского имущества (вся библиотека, например, осталась в Екатеринбурге) и посадить в вагон пять преподавательских семей: С. Н. Петрова Н. Е. Скаредова, К. Д. Луговкина, М. А. Павлова и Е. П. Сысоевой В Омске к ним присоединился П. П. Веймарн с женой Надеждой Николаевной.

Как они ехали через всю страну, охваченную войной, известно одному Богу. Почти два месяца добирались до Владивостока, где не заканчивались для них мытарства и лишения, не было земли обетованной и теплого крова, наоборот, ждали новые испытания. Трудно сказать, ка] бы сложилась судьба института и беженцев, если бы ректором был не Веймарн, а другой человек. Петр Петрович был нравственной и физической опорой своим коллегам. Единожды добровольно взвалив на себя; пастырский крест, он мужественно и терпеливо нес его через жизненные невзгоды.

В чем черпал он силы, что служило ему самому опорой? Ведь он был пусть и гениальный, но тоже человек. Ответ на эти вопросы Веймар] дал в своей речи, с которой выступил 5 ноября 1918 г. перед студентами: он хотел, чтобы его родина была культурной и свободной и боролся за это всеми доступными ему средствами, не декларируя любовь к Отечеству, а утверждая ее делом.

Из Владивостока Веймарн отправил в Омск в Министерство торгов ли и промышленности горькую телеграмму: „Докладываю: в институт прибыл четвертого сентября. Переехать из теплушек не можем вследствие отсутствия средств для политехникума на ремонт отведенных институту помещений. Положение личного состава тяжелое, много больных. Убедительно прошу ускорить перевод политехникуму миллион на ремонт казарм. Ректор Веймарн“.

Две недели пришлось коллективу института жить на колесах. Затем эвакуированным временно выделили три комнаты в помещении Владивостокского коммерческого училища, а семьям эвакуированных преподавателей предоставили зал одной из гимназии города. Перспектив! на улучшение были никудышные. Веймарн вынужден был обивать пороги и толкаться в двери различных инстанций. Обратился за помощью к председателю квартирной комиссии Владивостока, просил отвести Горному хоть какие-то помещения, но получил отказ. Отправил письмо с аналогичной просьбой ректору Владивостокского политехникум В. М. Мендрину. Наконец, пусть маленький, но успех. Мендрин да согласие и в декабре 1919 г. горный институт переехал в постоянно помещение на Светлановскую улицу, 139.

К концу года до Владивостока различными путями добрались 15 преподавателей УГИ. К тем, кто выехал из Екатеринбурга в июле, добавились Н. И. Морозов, А. М. Янек, Е. И. Любарский, М. К. Елиашеви, В. Ф. Овсянников, М. О. Клер, А. О. Рейн, Л. И. Морозова, В. К. Калинин.

Студентов эвакуировалось 17 человек.

Преодолев немалые трудности, коллектив института 20 сентября начал занятия в стенах политехникума полностью по всем предметам на первых двух курсах горного и механического факультетов и частично на инженерно-строительном. Между тем финансовое положение института оставалось очень напряженным. Приведем содержание одного из многих драматических писем, которые ректор посылал в Омск: „Я,- писал он,-должен обратить самое серьезное внимание, что... без увеличения ассигнований на научно-учебные расходы совершенно невозможно поставить сколь-нибудь сносно жизнь Высшей технической школы. Мой долг указать самым настойчивым образом, что если правительство не увеличит бюджет Высшей Школе, то вместо Высшей Школы получит лишь суррогат ее“.

Великую нужду терпели преподаватели: нехватка продовольствия и огромные очереди в магазинах вынуждали прибегать к просьбам в экономическое общество с мольбами хоть чем-нибудь помочь. Иногда удавалось получить рис, сахар, сыр, обувь, уголь.

Еще сильнее бедствовали студенты. Об этом, например, красноречиво говорит удостоверение, выданное Веймарном „студентам-беженцам из Екатеринбурга — Н. С. Смирнову, С. М. Гедвойн и Б. И. Гедвойн в том, что они в данное время нуждаются в одежде, так как материально обеспечены плохо“.

При всем том уральцы не были морально сломлены, не собирались отсиживаться по своим углам, переживая лихое время. Было предложено укомплектование института недостающим оборудованием, делались попытки приобрести его даже за границей, в Японии и Америке. В. Ф. Овсянников начал собирать коллекцию древесных и кустарниковых пород, произрастающих в Приамурском крае, для лесотехнического кабинета. В марте 1920 г. приступили к выпуску первого тома „Известий Уральского Горного Института“. Преподаватели УГИ участвовали в работе съезда по учреждению Дальневосточного отделения исследования Сибири. Возобновила деятельность Строительная комиссия, с подрядчиком Я. Я. Эспозито заключили новый договор на постройку здания института, в нем, в частности, оговаривалось, что строительные работы начнутся, как только Екатеринбург будет освобожден от большевиков.

Сохраняя относительную самостоятельность, уральцы активно влияли на научно-педагогическую жизнь приютившего, их политехникума. Так, Веймарн был избран Советом политехникума проректором и и.о. декана горного факультета, Петров — деканом механического и и. д. декана инженерно-строительного факультета, Янек стал секретарем горного (после отъезда Янека в Латвию секретарем вместо него избрали Луговкина), Рейн-механического, а Калинин-экономического факультета.

Целесообразность существования в одних стенах двух, по существу, родственных учебных заведений — Горного и Политехникума — вызвала сомнения. 7 мая 1920 г. политехникум из частного преобразовали в государственный, и Уральский горный целиком вошел в состав нового вуза. Подчинялся этот объединенный вуз областному отделу народного образования, его ректором стал П. П. Веймарн, а проректором — В. Ф. Овсянников.

Встав во главе нового института, Петр Петрович, естественно, стал его строить в соответствии со своими, уже апробированными научно-педагогическими принципами. Так, основной документ, регламентирующий внутреннюю жизнь вуза, - устав, был почти тождественен уставу УГИ. Он был утвержден Правительством и „распубликован“ 22 апреля в № 18 „Вестника Временного Правительства“. Временная комиссия по делам средней и высшей школы внесла в устав незначительное, с нашей точки зрения, изменение. Были восстановлены „члены Совета по назначению от Правительства“. Мы привыкли к тому, что в дела высших учебных заведений вмешиваются все кому не лень (иного просто и не может быть в идеологизированном обществе). Веймарн же такое „нововведение“ прошлого столетия резко критиковал, видя в нем нарушение одного из основных элементов автономии вуза, указывал на пагубное влияние „введения в однородный коллегиальный организм Высшей Школы чужеродных элементов“ и с сарказмом писал, что это „чисто провинциальный“ эксперимент.

Со своими педагогическими новациями Веймарн, как ректор Владивостокского политехнического, выступал летом 1920 г. в Омске на съезде по народному образованию.

Рассказ о первом периоде деятельности УГИ подходит к концу. Та часть вуза, которая была эвакуирована, прекратила свое самостоятельное существование, но не бесследно и не бесславно — она стала фундаментом нового института. О том, как оставшиеся в Екатеринбурге преподаватели возрождали из „пепла“ Горный, будет поведано в следующей части.

О судьбе преподавателей УГИ, уехавших во Владивосток, пока почти ничего неизвестно. „Почти“ относится к М. О. Клеру и П. П. Веймарну. Модест Онисимович в 1921 г. вернулся в Екатеринбург, и вся его дальнейшая жизнь до самой смерти была связана с Горным.

Веймарн в конце 1922 г. (Советская власть во Владивостоке была установлена 25 октября 1922 г.) эмигрировал в Японию. Сведения о зарубежном периоде его жизни крайне скудны. Они почерпнуты из престижного биографического справочника, изданного в Берлине в 1940 г.: до 1931 г. Петр Петрович работал в г. Осаке в Императорском индустриальном институте, провел там ряд интереснейших исследований по различным проблемам коллоидной химии совместно с японскими учеными и опубликовал несколько десятков работ; в 1931 г. перешел в частную лабораторию в г. Кобе. Затем переехал в Китай и там в Шанхае умер 2 июня 1935 г., не дожив немного до 56 лет.

Что заставило Веймарна покинуть родину, для которой он так много сделал, так много хотел сделать, так болел за ее настоящее и особенно будущее? Достоверно сказать нельзя, пока нет никаких свидетельств и документов. А предположения и гипотезы вряд ли стоит высказывать. Эмигрантство на долгие годы обрекло его имя на забвение, как и имена многих достойных русских людей. Время постепенно возвращает нам Веймарна-человека, гражданина, ученого. „Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, - писал Александр Васильевич Суворов, - но я заключил доброе имя в славу моего Отечества, и все успехи относил к его благоденствию. Никогда самолюбие, частот производимое мгновенным порывом, не управляло моими деяниями. Я забывал о себе там, где надлежало мыслить о пользе обще“. В этих словах весь Петр Петрович Веймарн.